

П. И. Федотова

«НЕ УМИРАЕТ СОТВОРЕННОЕ МНОЮ...»: САКУЛИНСКИЙ ТРУД О В. Ф. ОДОЕВСКОМ

К 140-летию со дня рождения П. Н. Сакулина

Имя замечательного русского филолога, историка и теоретика литературы Павла Никитича Сакулина (1868—1930) нечасто встречается на страницах научной литературы. Странным образом его судьба повторила судьбу главного персонажа его научных изысканий — В. Ф. Одоевского. Жизнь обоих была наполнена энергичной деятельностью, оба отличались исключительной работоспособностью и разносторонностью интересов, оба достигли значимых результатов, вписав свое имя в историю русской культуры. Яркий взлет — и затем долгое и несправедливое забвение. Между тем работу Сакулина об Одоевском,¹ поразительную по богатству мыслей и слога, по насыщенности фактическим материалом, по скрупулезности выявления культурных взаимосвязей и влияний, можно смело поставить в ряд с лучшими историко-культурными исследованиями XX столетия. Скажем больше: ей трудно подыскать аналог. Это одновременно историко-литературная, историко-философская и историко-культурная работа, — а потому эпитет «уникальная» является по отношению к ней наиболее подходящим.²

¹ Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель—Писатель. М., 1913. Т. 1, ч. 1—2 (далее: Сакулин).

² Как отмечает автор вступительной статьи к изданию литературно-теоретических работ Сакулина, доктор филологических наук Ю. И. Минералов, первый том этого

Судьба этой работы сродни судьбе ее автора. Первый том, вышедший в двух частях в 1913 г., с тех пор ни разу не переиздавался. Второй том исследователь не успел подготовить к печати. От него остались подготовительные материалы, весьма обширные, которые ныне хранятся в составе архива П. Н. Сакулина в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом). Недоговоренность, невысказанность, которая всю жизнь преследовала князя Одоевского, постигла и его талантливого биографа и написанную им творческую биографию мыслителя.

При своем появлении сакулинская работа об Одоевском не вызвала значительной полемики.³ Все рецензии и отклики на нее носили благожелательный, если не восторженный характер.⁴ Рецензенты отмечали высокие научные достоинства монографии, новизну подхода, «свежесть материала», «богатейшую эрудицию» и «поразительную начитанность автора», «живой, яркий, образный слог», расценивая исследование как «крупное явление в области изучения истории русской литературы». Безупречность этой работы не оставляла рецензентам возможности для критики. Отмечалась лишь ее незавершенность, неисчерпанность темы, отсутствие биографического материала, что «существенно важно» для «лучшего понимания многих подробностей деятельности кн. Одоевского». «Привлекательная личность Одоевского» «еще ждет своего биографа», — подводил итог рецензент «Киевской мысли», а критик «Голоса Самары» выражал надежду, что «у г. Саку-

труда «по сей день остается уникальным и непревзойденным по глубине осмысления проблемы и широте охвата культурно-исторических фактов <...> Это лучшее научное исследование творчества князя В. Ф. Одоевского» (*Минералов Ю. И.* Концепция литературоведческого синтеза // *Сакулин П. Н.* Филология и культурология. М.: Высш. школа, 1990. С. 7).

³ Исключение составляет статья В. Гиппиуса «Узкий путь», о которой будет сказано особо.

⁴ В архиве Сакулина сохранилось шесть газетных рецензий на вышедший в 1913 г. первый том монографии (см.: РО ИРЛИ, ф. 272, оп. 1, ед. хр. 90, л. 1—9). Объявление о выходе книги Сакулина появилось в «Русских ведомостях» от 17 мая 1913 г. (см.: Там же, л. 1). Уже 8 июня в газете «Киевская мысль» была напечатана рецензия за подписью «Книжник» (л. 6—7). Согласно словарю И. Ф. Масанова, под этим псевдонимом писало множество лиц. В данном случае наиболее вероятным автором был Степан Иванович Пономарев, сотрудник киевских изданий. Краткая рецензия (без подписи) появилась в газете «Голос Самары» от 21 июня (л. 3). Газета «Камско-Волжская речь» от 6 июля поместила отзыв о монографии П. Н. Сакулина, подписанный инициалами Л. И. (л. 2). Согласно словарю И. Ф. Масанова, это инициалы писателя и историка, сотрудника казанских изданий Иллиодора Александровича Износкова. «Русские ведомости» от 7 июля поместили отзыв Н. Бродского (л. 8—9). 26 авг. были опубликованы сразу две рецензии: в газете «Речь», подписанная инициалами Н. Л. — псевдоним литературоведа Николая Осиповича Лернера (л. 4), и «День», автор Н. Глаголева (л. 5).

лина найдутся последователи», которые продолжают исследование многосторонней деятельности князя.⁵

Тем не менее уже в газетных отзывах можно уловить две совершенно разные ноты в оценке сакулинского труда. Различная тональность откликов была обусловлена той противоположностью оценок русской культуры и русской мысли, которая резко обозначилась еще в XIX в. и сохраняет свою силу до сегодняшнего дня. Наиболее отчетливо эти два подхода проявились, с одной стороны, в рецензии Н. Бродского в «Русских ведомостях», а с другой — в отзыве Н. О. Лернера в газете «Речь». Рецензент «Речи» настаивает на том, что монография Сакулина еще раз доказывает заимствованный характер русской культуры. Н. Бродский, наоборот, считает, что автору удалось показать самобытность творческого поиска Одоевского.

По словам рецензента «Речи», «писать о русской мысли нельзя без того, чтобы не „выставлять напоказ“ ее нищету. Везде и во всем тут „с Запада свет“. К Западу обращается и г. Сакулин, как к единственному источнику всех духовных переживаний и стремлений Одоевского-мыслителя». В литературном и философском дилетантизме Одоевского, продолжает автор, «как в зеркале отразились воздействия, которые оказывала в течение полувека на русскую культуру европейская мысль». «Самой ценной частью работы» рецензент считает обнаружение тех «духовных родников» (разумеется, западных), которые питали мысль Одоевского. В целом, и само творчество писателя, и монография о нем вызвали у автора «грустное чувство», лишний раз доказывая справедливость слов Лермонтова: «У России нет прошедшего».⁶

Совсем другого рода мысли и чувства испытывал при чтении сакулинского труда рецензент «Русских ведомостей». Среди исследований, посвященных «реставрации забытых ценностей нашей литературы», эта работа занимает, по мнению Н. Бродского, «исключительное место: такой фактической напряженности, богатства и свежести материала, такого обилия разнородных возбуждений мы давно не встречали». Это «подлинное воскрешение из мертвых» творчества В. Ф. Одоевского-

⁵ Эти пожелания исполнились уже в советское время, когда со второй половины XX в. возобновилась публикаторская и исследовательская работа по изучению наследия писателя. В 1991 г. вышла замечательная биография В. Ф. Одоевского, написанная М. А. Турьян («Странная моя судьба...» О жизни Владимира Федоровича Одоевского. М.: Книга). Богато представлена в исследовательской литературе и многогранная деятельность князя. К настоящему моменту защищено не менее 20 диссертаций, посвященных различным аспектам творчества Одоевского — как писателя, литературного критика, мыслителя, педагога, музыканта, издателя, журналиста, цензора, общественного деятеля.

⁶ См.: РО ИРЛИ, ф. 272, оп. 1, ед. хр. 90, л. 4.

го. Бродский настаивает на том, что Сакулину удалось показать своеобразие литературной индивидуальности Одоевского среди деятелей русской и европейской культуры. Идеи движения на Западе и в России, среди которых жил кн. Одоевский, играют роль «искусно сделанной исторической рамы», ярко оттеняющей индивидуальные черты его как писателя и мыслителя. Автор выражает уверенность, что после появления этой «глубоко ценной работы» ни один университетский курс теперь не сможет обойтись без обзора творчества кн. В. Ф. Одоевского. Таким образом, не нищета, а богатство демонстрирует сакулинский труд. Мы имеем «исследование, куда часто будут заглядывать по различным вопросам и историк литературы, и историк русской философской мысли».⁷

Как видим, у одних эта работа вызвала «грустное чувство», у других — воодушевление. Небезынтересно знать в этой связи мнение уже известного к тому времени историка русской литературы, профессора Варшавского университета Ивана Ивановича Замотина (1873—1942). Замотин посвятил В. Одоевскому обширную главу в своей монографии о русском романтизме, рассматривая его творчество как наиболее яркое выражение «романтического универсализма».⁸ В архиве Сакулина сохранилось письмо Замотина, посланное из Варшавы, от 31 мая 1913 г., в котором он благодарит коллегу за присланный экземпляр сакулинской работы:⁹

«Глубокоуважаемый Павел Никитич!

Сердечно благодарю Вас за присылку Вашего ценного труда о кн. В. Ф. Одоевском, в котором Вы любезно оказали внимание и моему скромному очерку. Ваша книга, несомненно, является крупным вкладом в ист<орию> русск<ой> литературы XIX стол<етия>. Обилие свежего материала и его глубокое, всестороннее освещение делает ее интересной не только для специалиста, но и для всякого образованного читателя». Замотин выражает сожаление, что в силу обстоятельств не может сейчас же взяться за издание этого труда. «Сочту приятным долгом приветствовать Вашу работу печатно. Не встретимся ли в СП<етербург>е?» — спрашивает он, сообщая, что будет в Петербурге весь июнь.

В архиве Сакулина сохранилось еще одно благодарственное письмо — от князя Николая Николаевича Одоевского-Маслова:

⁷ Там же, л. 8—9.

⁸ См.: Замотин И. И. Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе. СПб.; М., 1911—1913. Т. 1—2. Первое издание этой работы вышло в 1903—1907 гг.

⁹ РО ИРЛИ, ф. 272, оп. 2, ед. хр. 63. На конверте адрес: Г. Москва, Его Высокородию Павлу Никитичу Сакулину, Трубниковский пер., д. 3, кв. 3.

«Многоуважаемый Павел Никитич,

Вы меня совсем сконфузили Вашею любезностью! Не знаю как Вас благодарить за оставленные мне книги! Для меня они представляют огромный интерес. Какой это большой труд и как я Вам глубоко за него признателен! Сегодня еду на несколько дней в Петербург. По возвращении сочту своим долгом Вас навестить.

Примите уверение в моем искреннем уважении и преданности.

Кн. Одоевский-Маслов».¹⁰

Несмотря на столь благожелательный прием у критики и научной общественности, полемический отклик на работу Сакулина об Одоевском все же появился. Это неудивительно. Различные мировоззренческие направления стараются определить свое отношение к традиции в целом и к отдельным ее представителям. Мы имеем в виду статью Василия Гиппиуса «Узкий путь», опубликованную в конце 1914 г.¹¹ Написана она в запальчивом и даже несколько экзальтированном тоне. В некоторых случаях автор допускает искажение позиции оппонента. Тем не менее замечания Гиппиуса содержат и рациональные зерна, хотя зачастую их нелегко вычленишь из-за чересчур эмоциональной манеры изложения.

Автор начинает свою статью с указания на тот очевидный факт, что романтический период в творчестве В. Одоевского — самый плодотворный. Тем не менее большинству исследователей (Ветринскому, Сумцову, Скабичевскому) он «представляется не только печальным заблуждением юности», «но и просто недостойным внимания». Более высокую оценку у них (в том числе и у Сакулина) получил поздний этап творчества мыслителя, который Сакулин называл «научным реализмом», а Гиппиус обозначает как «позитивизм старости». «Опять о романтизме пишет враг романтизма и с враждебной точки зрения», — негодует критик. Самый главный вопрос: почему Одоевский отрекся от романтического мировоззрения и перешел на сторону позитивизма, — остается, по мнению автора статьи, «без ответа».¹² Последний упрек по адресу Сакулина совершенно не заслужен,¹³ но Гиппиус прав в том, что вопрос этот действительно важен как с историко-философской, так и с историко-культурной точки зрения.

¹⁰ Там же, ед. хр. 117. Письмо датировано 30 мая 1913 г.

¹¹ См.: Гиппиус В. Узкий путь. Кн. В. Ф. Одоевский и романтизм // Русская мысль. 1914. № 12. С. 1—26.

¹² Там же. С. 1—2.

¹³ Первый том монографии Сакулина посвящен «романтическому» периоду творчества Одоевского. Осветить «идейный перелом» и переход мыслителя на позиции «научного реализма» Сакулин намеревался во 2-м томе работы, о чем он напомнил оппоненту в своей ответной статье (см. ниже).

Статья В. Гиппиуса является попыткой решить этот вопрос, хотя, на наш взгляд, автору не удалось дать научно приемлемого ответа. Определяющей чертой мировоззрения Одоевского Гиппиус считает «дуалистическое ощущение мира, безвыходный раскол души и плоти, *этого* и *того* мира», который «по-видимому, был в него вложен природой». Пантеизм Шеллинга не мог примирить в нем этого раскола, что и обусловило расхождение русского мыслителя с немецким романтизмом, а затем и полный отказ от него.¹⁴

Неспособность преодолеть этот раскол порождала в душе Одоевского такие характерные для него настроения, как пессимизм, мизантропия и, наконец, безверие. Поэтому Одоевский и по мировоззрению, и по мироощущению близок не к раннему романтизму, а к «безверному дуалисту» и эпигону романтизма Гофману.¹⁵ Корень всех заблуждений и тяжелых психологических состояний заключался в том, что «Бога, живого Бога мы у Одоевского не найдем. О религии он говорил не раз, но всегда как о культурном явлении, не как о живом душевном деле». Поэтому и славянофильство Одоевского — «бездоказательно», поскольку «он не обмолвился ни полусловом о перевесе России в религиозном отношении».¹⁶ Гиппиус выражает солидарность с критиком журнала «Маяк» Бурачком, который в свое время упрекал Одоевского, что его герои, решая вопрос о смысле жизни, «ни разу не развернули Нового завета».¹⁷ В итоге, однажды ступив на путь «безверного дуализма», Одоевский оказался во власти «западного Люцифера» — чистого разума и пришел к «культу опыта, культу разумной религиозности», а потому разорвал со славянофильством. Борьба христианского и антихристианского начал, веры и разума, духа и материи закончилась полной победой начала антихристианского: «Люцифер одержал самую блистательную победу: в его власти оказался и тот, кто обличал его господство — сам Одоевский».¹⁸

Если отвлечься от религиозной стилистики рассуждений автора, надо признать, что он верно подметил некоторые характерные для творчества Одоевского черты, которые не то что ускользали от внимания исследователей, но не акцентировались ими. Это и трагическая окрашенность многих его произведений, что действительно было свойственно именно позднему, а не раннему романтизму. Это и настойчивые (но в итоге бесплодные) попытки Одоевского посредством

¹⁴ См.: Гиппиус В. Узкий путь. С. 5—6.

¹⁵ См.: Там же. С. 6—7.

¹⁶ Там же. С. 20.

¹⁷ Там же. С. 21.

¹⁸ Там же. С. 26.

пантеизма преодолеть традиционный для христианства дуализм духовного и телесного (который Гиппиус почему-то объявляет «врожденным»); специфическое отношение к религии (весьма близкое к позиции Л. Н. Толстого); «двухполюсность» Одоевского в отношении западничества и славянофильства. Несмотря на эти верные, в общем, констатации фактов, Гиппиус далек от историко-культурного их объяснения. Он интерпретирует творчество Одоевского в духе неоромантической доктрины, за которой проглядывает старая методологическая установка христианства — видеть во всем противоборство бога и дьявола.

Сакулин ответил Василию Гиппиусу статьей «Романтизм и „неоромантизм“». ¹⁹ Принципиальный сторонник культурно-исторического подхода, Сакулин мыслил совершенно в других категориях, нежели его критик. Безусловно, его симпатии были на стороне «реализма». Однако он не был ни «врагом», ни «другом» романтизма, а стремился анализировать его со стороны — как исследователь. Гиппиус, напротив, находился внутри романтической традиции и действовал как ее апологет, ²⁰ представляя то литературное движение, которое Сакулин обозначил как «неоромантизм». К позиции своего оппонента Сакулин стремился подойти объективно, стараясь прежде всего определить место «неоромантизма» в системе культурно-исторических координат.

По мнению Сакулина, современный неоромантизм гораздо ближе к исходному пункту — к ранним йенским романтикам, чем «старый русский романтизм». Что касается последнего, то Сакулин решительно возражает против утверждения Вас. Гиппиуса, будто русский романтизм был только «отзвуком» йенского. Это утверждение, полагает Сакулин, «решительно не оправдывается историко-литературными фактами. Русский романтизм представляет собой весьма сложную и пеструю картину. На нем отразились влияния и немецкого, и французского, и английского романтизма». ²¹ Столь же «сложного состава» было и мировоззрение Одоевского. Он не был адептом какого-либо одного направления, а «человеком, неустанно ищущим истины и правды». Эта постоянная нацеленность на творческий поиск была характерной чертой Одоевского, и именно этим антидогматизмом он нам и «дорог». ²² Сакулин не исключает участия романтиков йенского перио-

¹⁹ Статья П. Н. Сакулина «Романтизм и „неоромантизм“» опубликована в журнале «Вестник Европы» (1915. Кн. 3, март. С. 148—162).

²⁰ Гиппиус не скрывал своей апологетической позиции по отношению к романтизму. Свою задачу он усматривал в том, чтобы «вглядеться в романтизм Одоевского с точки зрения романтизма» (*Гиппиус В. Узкий путь*. С. 2).

²¹ Сакулин П. Н. Романтизм и «неоромантизм». С. 152.

²² Там же. С. 162.

да в формировании взглядов Одоевского, но считает их влияние «совершенно второстепенным». «Факты убедили меня в том, что идеалом для Одоевского, как писателя, были не Тик или Новалис, а Гете и Пушкин».²³

Не согласен Сакулин и с характеристикой Одоевского как «мечтателя» и «безверного дуалиста». Он «не мечтатель, а мыслитель», и все не «раскол» и «дуализм» определяли специфику его мышления. Сакулин еще раз напоминает, что Одоевский всегда «стремился к синтезу, к гармонии и полноте стихий человеческой жизни. Это была его характерная особенность».²⁴ Особенные возражения Сакулина вызывают обвинения в «безверии» Одоевского. Он настаивает на «неизменной религиозности» князя: «Люциферу не удалось одержать над ним победы». В статье приводятся обширные выдержки из неопубликованных бумаг Одоевского, где говорится о значении христианства.²⁵ Что касается отношения Одоевского к славянофильству и того идейного перелома, который Гиппиус назвал «позитивизмом старости», то Сакулин напоминает, что намерен осветить эти вопросы во втором томе своей монографии. Осуществить этот замысел автору не удалось: работа осталась незавершенной.

Полемика с Василием Гиппиусом не имела продолжения.²⁶ Зато она выявила ряд спорных пунктов и проблем, оставшихся нерешенными в рамках этой дискуссии. Во-первых, осталась до конца непроясненной религиозная позиция Одоевского. Он всегда защищал христианство с этической, а православие — и с политической точки зрения. Но догматическая сторона христианства как-то совершенно отсутствует в его творчестве. В статье Сакулин ограничивается общими фразами о религиозности князя, не конкретизируя его точку зрения. В материалах второго тома ученый приводит большое количество рукописных заметок и работ Одоевского, касающихся этой проблемы. В результате он приходит к выводу, что религиозное мировоззрение писателя в 50—

²³ Там же. С. 155.

²⁴ Там же. С. 159.

²⁵ См.: Там же. С. 160—161.

²⁶ Для характеристики личности Павла Никитича Сакулина стоит привести одну небольшую деталь. Сакулин не изменял правилу академической полемики — спорить с идеями, а не с людьми. Несмотря на резкость оппонента, Сакулин в дальнейшем сохранял с ним доброжелательные отношения. В архиве В. В. Гиппиуса сохранилось письмо (почтовая карточка) П. Н. Сакулина, адресованное Василию Васильевичу Гиппиусу в Пермский гос. университет от 16 февр. 1927 г. В этом письме академик благодарит своего коллегу за присланную автором работу «Люди и куклы в сатире Салтыкова», характеризуя ее как «свежий и научноплодотворный анализ», и приглашает выступить в Москве с докладом, даже заочным. «В эпоху заочного обучения возможны и заочные доклады» (РО ИРЛИ, ф. 47, оп. 3, ед. хр. 59, л. 1).

60-е гг. «складывалось в том же направлении синтеза науки и веры, как у Пирогова», отмечая также «точки соприкосновения» с «религиозным движением мысли 60-х годов»: Достоевским, В. Соловьевым и Л. Толстым.²⁷ Это скорее подтверждает слова Гиппиуса о том, что религия была для кн. Одоевского преимущественно «культурным явлением»: «самое имя Бога он, кажется, никогда и не произносил, всегда как-то обходил, говоря: религиозное чувство, иногда — Божество».²⁸

Во-вторых, осталась непримиренной полярность оценок философского мировоззрения писателя: как «дуализма» и «раскола», с одной стороны, и «гармонического синтеза» — с другой. Наконец, важнейший вопрос о характере и причинах дальнейшей эволюции взглядов Одоевского (со второй половины 40-х гг.) остался открытым в силу незавершенности работы над монографией. Последующие исследователи должны были вновь определять свое отношение к идеям, оценкам и концептуальной схеме сакулинского труда.

В своей монографии Сакулин так представлял идейное развитие Одоевского как «мыслителя и писателя». Первый этап — «период любомудрия» (20-е гг.). Второй «характеризуется преобладанием философско-мистического идеализма» (преимущественно 30-е гг.) и завершается изданием «Русских ночей» (1844). «Со второй половины сороковых годов начинается третий период, продолжающийся затем все пятидесятые и шестидесятые годы, — период научного реализма...».²⁹ Эта схема Сакулина неоднократно оспаривалась многими отечественными исследователями. Главным объектом критики был тезис о «философско-мистическом идеализме».

Специальную статью рассмотрению концептуальной схемы сакулинской монографии посвятила известная исследовательница творчества Владимира Одоевского М. А. Турьян. Анализируя обстоятельства, помешавшие Сакулину довести до конца свое исследование, Турьян связывала незавершенность этого труда «в ряду других причин» с недостатками методологических принципов исследования.³⁰ В период работы над вторым томом ученый отошел от принципов культурно-исторической школы. В его научном арсенале возобладал «методологический эклектизм», который приводил к разнобою в оценках и отрицательно отразился на результатах исследования.³¹

²⁷ См.: РО ИРЛИ, ф. 272, оп. 1, ед. хр. 85, л. 516.

²⁸ Гиппиус В. Узкий путь. С. 20.

²⁹ Сакулин. Т. 1, ч. 1. С. 7.

³⁰ См.: Турьян М. А. Неоконченный труд П. Н. Сакулина о В. Ф. Одоевском // РЛ. 1974. № 2. С. 164.

³¹ См.: Там же. С. 165.

Самым «уязвимым местом концепции ученого» Турьян считает преувеличение роли «философско-мистического идеализма» в идейном развитии Одоевского. Акцент на мистицизме заставлял говорить о резком идейном переломе в его взглядах: «мысль о полярной смене мировоззрений у Одоевского подчеркивается Сакулиным настойчиво и неоднократно». ³² По мнению Турьян, представление об удельном весе и характере мистико-идеалистических идей «нуждается в пересмотре». На самом деле резкого перелома в идейном развитии Одоевского не было. Правильней говорить о постепенной эволюции, все больше и больше укреплявшей те ростки естественнонаучного мировоззрения, которые имелись у Одоевского с самого начала — еще в 20-е гг. во время учебы в Московском благородном пансионе. Уже «Русские ночи», как считает исследовательница, «в основе своей свободны от многих мистико-философских идей, которые Сакулин склонен в них видеть, и круг вопросов, связанных с „научным реализмом“, поставлен там со всей определенностью». ³³ Точному определению хронологических рамок в идейном развитии мыслителя препятствует то обстоятельство, что основным источником его взглядов является большой массив рукописных материалов, как правило, недатированных, что и создает возможность произвольных построений. В итоге Турьян приходит к выводу, что многие положения Сакулина, связанные с первой половиной деятельности Одоевского, «устарели», тогда как «выводы, сделанные им на основании изучения последнего периода, представляются и сегодня необычайно плодотворными». ³⁴

Удачным признает Турьян и термин «научный реализм». Однако попытка выяснить его содержание приводит исследовательницу к весьма спорным выводам. По ее мнению, этот термин «относился прежде всего к творческому методу писателя», представляя собой «одну из вариаций художественного реализма», хотя зачастую Сакулин употребляет его «как категорию мировоззренческую». ³⁵ Трудно согласиться с такой трактовкой. Вряд ли возможно считать «научный реализм» характеристикой «творческого метода писателя» по той причине, что после «Русских ночей» Одоевский практически ничего не писал. Сакулин употребляет это понятие именно в качестве «мировоззренческой категории», содержание которой исследовательница оставляет без анализа.

Аналогичного с М. А. Турьян взгляда придерживался и М. И. Медовой. По его мнению, Сакулин «неправомерно преувеличивал» «мис-

³² Там же. С. 170.

³³ Там же. С. 171.

³⁴ Там же. С. 174.

³⁵ Там же. С. 175.

тический элемент в мировоззрении писателя на всем протяжении его творческого пути».³⁶

Еще более резко оценивал концепцию Сакулина В. С. Виргинский, называя ее «предвзятой», а сакулинскую характеристику Одоевского как «убежденного монархиста» — «оскорбительной напраслиной».³⁷ «Столь же неосновательно, — продолжает Виргинский, — утверждение П. Н. Сакулина, будто бы мировоззрение, сложившееся у Одоевского к началу 40-х годов, можно характеризовать как „синтез германского идеализма и мистики“». По мнению исследователя, это утверждение будто бы основано только на литературном образе мистика Фауста в «Русских ночах».³⁸

Как и предыдущие авторы, А. С. Немзер полагает, что «подозрения в мистицизме» навлекли на писателя исключительно его «таинственные повести», но это только «общеромантический прием». «Мистиком просветитель Одоевский не был, а интерес к явлениям <...> вроде предчувствий, передачи мысли на расстояние, гипноза, животного магнетизма испытывал».³⁹

В историко-философских работах русского зарубежья тоже высказывались критические оценки по адресу сакулинской схемы. Так, В. В. Зеньковский, соглашаясь с наличием трех периодов в эволюции Одоевского, считает центральным для второго периода «антропологию, а не мистический идеализм, как настаивает Сакулин».⁴⁰

Несмотря на столь дружный отпор, попытки оппонентов Сакулина полностью эмансипировать Одоевского от мистицизма выглядят явным преувеличением. Выводы Сакулина опираются на столь обширный фактический материал, что мистицизм Одоевского 30-х гг. не подлежит сомнению.

³⁶ Русские эстетические трактаты первой трети XIX века: В 2 т. М.: Искусство, 1974. Т. 2. С. 602.

³⁷ См.: Виргинский В. С. В. Ф. Одоевский. Естественнонаучные взгляды. М.: Наука, 1975. С. 5, 6.

³⁸ Там же. С. 7. Последнее утверждение вряд ли справедливо. Сакулин очень тщательно анализирует мистицизм николаевского времени как историко-культурное явление и в отношении Одоевского не ограничивается литературным материалом. Более того, он решительно возражал против отождествления автора со своими героями. Такие попытки он называл «наивными», и с этим, в частности, связана его критическая оценка работы Б. Лезина об Одоевском.

³⁹ Немзер А. В. Ф. Одоевский и его проза // Одоевский В. Ф. Повести и рассказы. М.: Худож. лит-ра, 1988. С. 8—9.

⁴⁰ Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академ. проект, 2001. С. 150. Впрочем, Зеньковский в своей атрибуции не выдерживает логического правила деления понятий. «Мистический идеализм» вовсе не исключает «антропоцентризма». Например, мистический идеализм Сен-Мартена имел антропоцентрический характер, что признает и сам Зеньковский (см.: Там же. С. 144).

Несколько наивно смотрятся и теоретические аргументы о несовместимости «просветительства» и «мистицизма», на чем особенно настаивают В. С. Виргинский и А. С. Немзер. Эти два явления не исключают друг друга, и в истории русской культуры можно найти и другие примеры подобного рода. Достаточно вспомнить русских просветителей и мистиков Н. И. Новикова, А. Ф. Лабзина, а также И. Г. Шварца и С. И. Гамалею. Мистицизм и просветительство сочетались в деятельности М. М. Сперанского и Александра I. Такое соединение мистики и просветительства вообще было характерной чертой масонства. Что касается «науки», то и ее симбиоз с мистицизмом вполне возможен. Самый яркий пример — Джордано Бруно, кстати, любимый исторический персонаж Одоевского.⁴¹

Справедливости ради следует добавить, что вывод Сакулина о мистицизме «Русского Фауста» никогда не был «категоричным». Наоборот, Сакулин везде подчеркивает своеобразный «рационализм» мистики Одоевского на фоне мистицизма его современников (в частности, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковского, И. В. Киреевского, П. Я. Чаадаева и др.), ее служебный характер и сопровождает свои выводы необходимыми оговорками. «Существуют определенные границы, далее которых Одоевский не шел в своей мистике, — пишет Сакулин. — Вводя мистические мотивы в свое беллетристическое творчество, Одоевский хотел <...> внушить читателям более глубокое понимание жизни, как великой, во многом еще неведомой людям загадки».⁴² И в своих «таинственных повестях» Одоевский остается больше бытописателем, нежели мистиком: «Одоевский ни на минуту не упускает из глаз земли. <...> Мистическое настроение не убивает в нем бытописателя: оно определяет тот угол зрения, под которым он созерцает и изображает действительность».⁴³ «В Одоевском, вообще говоря, были слишком сильные научные интересы, чтобы он мог забыть их ради чистой мистики».⁴⁴

На наш взгляд, нет оснований оспаривать характеристику первых двух этапов идейной эволюции Одоевского, предложенную Сакулиным (любомудрие — мистический идеализм). В содержательном плане она, правда, требует некоторого уточнения, поскольку исследователь все же не вполне осознавал характер и логическую структуру той системы мировоззрения, которой Одоевский придерживался в первой по-

⁴¹ Художественную биографию Дж. Бруно Одоевский пытался воссоздать в неоконченном романе «Иордан Бруно и Петр Аретино» (1827).

⁴² Сакулин. Т. 1, ч. 2. С. 99, 100.

⁴³ Там же. С. 101.

⁴⁴ Сакулин. Т. 1, ч. 1. С. 606.

ловине своей творческой деятельности. Важнейшее значение для уяснения собственных философских оснований Сакулина имеет «Речь перед диспутом» — документ, ранее не привлекавший внимания исследователей.⁴⁵ Ее следует рассматривать в качестве самостоятельной теоретической работы Сакулина, которая не повторяет основных положений его монографии, а посвящена изложению философских оснований и методологических принципов этого исследования.

Как показывает «Речь перед диспутом», главным философским авторитетом для Сакулина был Вильгельм Вундт, чья точка зрения служила для него синонимом «современной философии».⁴⁶ Из этого источника заимствует Сакулин трактовку понятий «универсализм», «идеализм», «материализм», «реализм»⁴⁷ и с их помощью анализирует философское развитие Одоевского. Узкоэтический смысл, который Вундт склонен придавать этим категориям, не позволил Сакулину адекватно оценить теоретические позиции русского мыслителя. Особенно наглядно это проявилось в полемике с И. И. Замотиным, который рассматривал Одоевского как наиболее яркого представителя «романтического универсализма» в русской литературе. Этот термин и служит главным объектом критики со стороны Сакулина, который считает его «неудачным», хотя, на первый взгляд, «звучным и многообещающим».⁴⁸

Сакулин не понял эвристической ценности этой характеристики Замотина, которая, хотя и не является точной философской атрибуцией мировоззрения Одоевского, все же выявляет его главную отличительную черту. Философская система Одоевского представляет собой форму пантеистического мировоззрения с типичными для пантеизма универсалистскими идеями: универсального знания, универсального метода, универсального человека, универсального общества, вплоть до идей универсальной (всемирной) культуры и универсального языка. Отсюда — постоянная нацеленность на синтез и примирение противоположностей, которая (как признавал и Сакулин) была характернейшей чертой Одоевского. Сакулин же, вслед за Вундтом, употребляет термин «универсализм» в узкоэтическом плане: как характеристику такого этического учения, которое во главу угла ставит универ-

⁴⁵ См.: Сакулин П. Н. «Речь перед диспутом» при защите диссертации об Одоевском Владимире Федоровиче // РО ИРЛИ, ф. 272, оп. 1, ед. хр. 89. Публ. в Приложении. Защита состоялась 13 окт. 1913 г. на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета.

⁴⁶ См.: Там же, л. 9.

⁴⁷ См.: Там же, л. 9—12.

⁴⁸ См.: Там же, л. 21—28.

сальные ценности.⁴⁹ Исходя из этого, он рассматривает универсализм как «видовое понятие», видовой признак «идеализма», поскольку тот всегда нацелен на духовно-универсальные ценности.⁵⁰

Несмотря на это, в целом с характеристикой начального мировоззрения Одоевского как в основе своей шеллингианского (т. е. пантеистического), осложненного в 30-х—начале 40-х гг. мистицизмом и учением об «инстинктуальной силе», можно согласиться. Гораздо больше вопросов вызывает «научный реализм». Трактовку этого понятия Сакулин опять же заимствует у Вундта. Тот называл «реализмом» философскую систему, основанную на синтезе «материализма» и «идеализма». В действительности это был идеализм, нацеленный на союз с «положительным знанием», т. е. признающий значение опытной науки. В принципе, с такой атрибуцией позднего мировоззрения Одоевского — как идеалистически ориентированного позитивизма — можно согласиться. Однако Сакулин принимал идею синтеза «идеализма» и «материализма» вполне серьезно и полагал, что Одоевский развивался «по пути Герцена и Белинского».

На первый взгляд, такое утверждение имеет под собой основание. Действительно, А. И. Герцен, как и В. Вундт, понимал под «реализмом» преодоление крайностей идеализма и материализма. Однако понятийное содержание этих терминов у Герцена не совпадает ни с вундтовским, ни с современным их значением. «Идеализм» является у него синонимом «рационализма», «умозрительного метода», тогда как «материализм» — синонимом «эмпиризма», или «опытного метода». Говоря о реализме, Герцен имел в виду преодоление односторонности умозрительных и чисто-опытных методов исследования. Вполне законная постановка проблемы, отражавшая исторически назревшую в научном знании задачу, которая и была решена в ходе его дальнейшего развития. Таким образом, герценовский «реализм» весьма далек от вундтовского. Сакулин не учитывает различий в номенклатуре понятий этих мыслителей, сближая их позиции.

Как бы то ни было, ни в вундтовском (если брать его буквально), ни в герценовском понимании термин «реализм» не применим по отношению к философской позиции позднего Одоевского. «Русский Фауст» никогда не ставил себе теоретической задачи примирения идеализма и материализма и до конца своих дней сохранял резко отрицательное

⁴⁹ Впрочем, Замотин использует это понятие в еще более узком смысле — для обозначения социальной утопии романтиков, т. е. идеала будущего универсального человечества. Сакулин указывает Замотину на узость подобного толкования, хотя сам, следуя Вундту, не преодолевает этого недостатка.

⁵⁰ РО ИРЛИ, ф. 272, оп. 1, ед. хр. 89, л. 28, 31—32.

отношение к материализму. Серьезных теоретических аргументов против этого философского направления он не выдвигал, но раздражительные филиппики против материалистов у него встречаются в избытке. Попытки некоторых современных исследователей зачислить его позднюю философию по ведомству «естественнонаучного материализма» наталкиваются на то существенное препятствие, что как раз естественнонаучный материализм того времени (в лице Бюхнера, Фохта, Молешотта, Фейербаха) неизменно служил для Одоевского объектом самой неприязненной критики.

Что касается Герцена, то и с ним Одоевскому было не по пути. Разочарование в научных возможностях умозрительного метода привело автора «Русских ночей» на позиции номиналистической методологии позитивизма, т. е. того самого эмпиризма, против которого он так энергично боролся ранее. В 60-х гг. Одоевский открыто провозглашает себя «эмпириком», а не реалистом и, тем более, не материалистом. «Только ведомо Вам буди, — признавался Одоевский в письме к В. С. Серовой, — что я эмпирик и враг всякой теории, падающей с потолка, как бы он высоко ни был. То только наше, что добыто прямым наблюдением, проверено опытом и из чего может быть сделан столь же строгий вывод, как из математической задачи, — да и вывод-то признаю законным лишь условно, т. е. до тех пор, пока он подтверждается дальнейшим наблюдением и трудовой разработкой».⁵¹ Особенность же эмпирической методологии такова, что она легко сочетается как с материалистическими, так и с идеалистическими взглядами («и Беркли, и Дидро вышли из Локка»). Поэтому квалифицировать эту методологию (в отрыве от всей системы взглядов мыслителя) как «синтез идеализма и материализма» теоретически неоправданно.

Реальный фактический материал, хотя и давал определенные основания для сакулинского вывода об эволюции мыслителя к «реализму» и «западничеству» («пути Герцена и Белинского»), не вполне укладывался в эту схему, а в некоторых моментах прямо ей противоречил.

Во-первых, этому мешал явный и даже какой-то сентиментально-восторженный монархизм Одоевского. Политическую демократию он считал «великим злом» для России. Обычно в доказательство демократических симпатий князя указывают на его неприятие олигархии и аристократии. Однако негативное отношение Одоевского к финансовой и наследственной аристократии имело совсем другую природу: он

⁵¹ Письмо В. С. Серовой от 11 янв. 1864 г. // *Одоевский В. Ф.* Музыкально-литературное наследие. М.: Музгиз, 1956. С. 521. Звучит вполне в духе «Анти-Дюринга». Одно интересно: какое «прямое наблюдение» убеждает нас в существовании бога и как этот «математический вывод» подтверждается «трудовой разработкой»?

считал, что эти политические силы создают противовес монархии и ограничивают самодержавную власть царя. Именно поэтому он неизменно высказывался против политических привилегий дворянства, поскольку эти привилегии, по его мнению, ущемляли prerogatives самодержавия. Любопытна в этом отношении запись его беседы с великой княгиней Еленой Павловной, сделанная Одоевским во время его заграничной поездки 1857/58 г. «Разговор (с В. К-ней Еленой П.) зашел об аристократии. Я высказал об этом свое мнение. „Нет! аристократия нужна!“ — „Да! как звание, — отвечал я, — но не как сила. У нас должен быть один царь, а не сотни“». ⁵²

Во-вторых, с «научным реализмом» плохо согласуется религиозность князя, которая, по словам самого Сакулина, «была неизменной чертой Одоевского». ⁵³ Какова бы ни была позиция мыслителя по догматическим вопросам, все материалы — и рукописные, и печатные — свидетельствуют о том, что он всегда стоял на страже интересов православия, особенно в его противостоянии с «латинством». Нет возможности привести весь имеющийся здесь материал. Ограничимся лишь некоторым — для примера. Так, Одоевского всегда огорчала слабая активность православной церкви в Европе и, наоборот, тревожила миссионерская деятельность иезуитов, вплоть до того, что он опасался (в случае революции в Италии) переезда папы Римского в Вену, которая тогда станет «центром римского католицизма и русского раскола». ⁵⁴ В путевых заметках 1847 г., десятью годами раньше, Одоевский писал: «Теперь самая та минута, когда наша церковь должна бы явно действовать в Европе, ибо ее недеятельность в Европе приписывают враги невежеству». ⁵⁵

«Западничество» Одоевского, на котором настаивает Сакулин, тоже весьма своеобразно. Действительно, в 40—50-е гг. мыслитель полемизировал с московскими «ультраславянами». В то же время «западник» Одоевский сохранял дружеские отношения со славянофилами старшего поколения. Князь занимал резко проправительственную позицию и в отношении крестьянской реформы 1861 г., и в «польском вопросе». Монархизм, неприязнь к «латинству», антипольская позиция, отрицание политической демократии, восторженное отношение к реформе 1861 г. — все это явно не программа «Колокола». Кроме того,

⁵² РО ИРЛИ, ф. 272, оп. 1, ед. хр. 83, л. 143. Запись датирована 2/14 авг. 1858 г. Одоевский, как видим, был большим монархистом, чем члены императорского семейства.

⁵³ Сакулин. Т. 1, ч. 1. С. 444.

⁵⁴ Одоевский В. Ф. Записные книжки 1857/58 гг. Цит. по выпискам Сакулина: РО ИРЛИ, ф. 272, оп. 1, ед. хр. 83, л. 131. Запись от 25 марта/6 апр. 1857 г. Ницца.

⁵⁵ Там же, ед. хр. 82, л. 287.

для Одоевского было характерно и прямо негативное отношение к Герцену. В цитированных выше зарубежных дневниках князя Одоевский бросает «Герцену и К^о» упрек в том, что они «разделяют царя от народа и народ от царя, что для Руси великое зло. На месте правительства я бы учредил журнал: анти-Герцен».⁵⁶ Все это плохо вяжется с утверждением Сакулина, что Одоевский шел «по пути Герцена».

В свете всего вышесказанного вряд ли можно столь прямолинейно квалифицировать взгляды позднего Одоевского как «научный реализм» и «западничество». Фактический материал убеждает в том, что в методологическом и политическом плане позиция позднего Одоевского близка не к А. И. Герцену, а к Н. Я. Данилевскому, для которого тоже был характерен и союз традиционного православия с новым научным знанием, и своеобразный сплав позитивистской и романтико-теологической методологии, и сочетание политического консерватизма с идеей научно-технической модернизации России.⁵⁷

Помимо этого в поздних идеях Одоевского мы находим то же стремление к научно-философско-художественно-религиозному синтезу, которое было характерно и для предыдущего творчества мыслителя. Эта черта мировоззрения Одоевского роднит его с тем направлением русской мысли, которое получило название «космизма».⁵⁸ Сакулин совершенно выпускает из вида эти два явления русской мысли (позднее славянофильство и космизм) и ошибочно, на наш взгляд, пытается объяснить эволюцию Одоевского по аналогии с «реализмом» Герцена.

Таким образом, можно согласиться с мнением, высказанным М. А. Турьян, о трудностях методологического характера, которые помешали ученому завершить работу над монографией. Только связаны они были не с «преувеличением мистицизма», а с попыткой представить Одоевского более «прогрессивным» и «либеральным», чем он был на самом деле. Как вдумчивый и добросовестный исследователь

⁵⁶ Там же, ед. хр. 83, л. 136. Запись датирована 26 авг./7 сент. 1857 г. Веймар.

⁵⁷ Как отмечает один из исследователей творчества Данилевского, «глубокая противоречивость русской жизни» «в его творчестве приняла форму синтеза трудно соединимых вещей — новой науки <...> и традиционно-теологической идеологии, идеи богоизбранности власти <...> и мессианской роли русского народа» (Султанов В. К. Социальная философия Н. Я. Данилевского: конфликт интерпретаций. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 2001. С. 31).

⁵⁸ Современные исследователи признают за Одоевским приоритет в разработке идей этого направления. В изданной в 1993 г. антологии русского космизма произведения писателя открывают сборник, а сам он квалифицируется как «пионер русского космизма» (см.: Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогик-Пресс, 1993. С. 34).

Сакулин не мог не ощущать «сопротивления материала», но ни отказаться от своей схемы, ни скорректировать ее он оказался не в состоянии. Именно этим обстоятельством, на наш взгляд, вызвана некоторая разноречивость сакулинских оценок и выводов в подготовительных материалах второго тома.

Например, еще в первом томе, анализируя взгляды Одоевского на проблему России и Запада, Сакулин приходит к выводу о совпадении «исторической философии» Одоевского с «другими идеологиями самобытности», даже с «привкусом официальной народности». В то же время он аттестует автора «Русских ночей» как «европейца», который поэтому не мог «всцело слиться» со славянофилами, хотя и сохранял с ними близкие отношения.⁵⁹

В материалах второго тома эта двойственность оценок сохраняется. С одной стороны, Сакулин неоднократно констатирует близость Одоевского к славянофилам, «даже правым» (т. е. к Погодину и Шевыреву). В то же время Одоевский для Сакулина — «петербуржец, европеец, западник», который находился в «идейном антагонизме» со своими московскими друзьями.⁶⁰ Действительно, Одоевский в 40—50-е гг. резко полемизировал с «ультра-славянами», как он называл московских славянофилов. Эта полемика велась им с позиций, весьма близких Чаадаеву и Белинскому, что отмечал и Сакулин. Однако после переезда князя в Москву (1862) его отношение к славянофильству меняется. Близкий друг Одоевского, славянофил А. И. Кошелев, объяснял этот «коренной переворот» увлечением Одоевского древнерусской церковной и народной музыкой.⁶¹ В итоге, проследив все перипетии полемики Одоевского со славянофилами и его возвращение в славянофильский лагерь, Сакулин приходит к выводу, что «Одоевский своеобразно синтезировал славянофильство и западничество».⁶² Несколько ниже в тексте рукописи он приводит мнение одного из биографов писателя — И. А. Кубасова — о том, что Одоевский «никогда не был ни славянофилом, ни западником». В рукописи эта цитата оставлена без комментариев, но вышеприведенные слова подчеркнуты, что говорит об известной солидарности с оценкой Кубасова. Эти колебания Сакулина относительно квалификации взглядов мыслителя («европеец», «и западник, и славянофил», «ни славянофил, ни запад-

⁵⁹ См.: Сакулин. Т. 1, ч. 1. С. 616.

⁶⁰ См.: РО ИРЛИ, ф. 272, оп. 1, ед. хр. 84, л. 19, 44 и др. В работе «Русская литература и социализм» (М., 1924) Сакулин относит Одоевского к «правым западникам», хотя и признает, что такая характеристика «несколько условна» (с. 437—438).

⁶¹ См.: В память о князе В. Ф. Одоевском. М., 1869. С. 9—10.

⁶² РО ИРЛИ, ф. 272, оп. 1, ед. хр. 84, л. 216.

ник») наглядно свидетельствуют о том, что сформулированный им принцип идейного развития Одоевского не находил достаточного подтверждения в эмпирическом материале.

Проблема осложняется тем, что менялись не только взгляды Одоевского, но, пожалуй, и позиция самого Сакулина претерпела определенную эволюцию. Архивный материал позволяет предположить, что первоначально исследователь был настроен по отношению к славянофильству скорее негативно (хотя и не враждебно) и потому целиком приветствовал просветительскую критику со стороны Одоевского. В дальнейшем он пришел к выводу, что славянофилами, при всех отдельных несуразностях их доктрин, «руководил правильный инстинкт». Одоевский же слишком «идеализировал» правительство и был нацелен на «тесный союз» с ним, разделяя идею «просвещенного абсолютизма». По-прежнему характеризуя взгляды Одоевского позднего периода как «плюс славянофильству», он более критично оценивал просветительство князя: как «повторение и крах просвещенного абсолютизма на почве XIX века». ⁶³

Более детальный анализ сакулинских материалов второго тома еще предстоит осуществить. Пока отметим только, что основания для такого анализа в архиве ученого имеются. Информация предшествующих исследователей, обращавшихся к сакулинскому архиву, о том, что «авторский текст» в подготовительных материалах к монографии «почти отсутствует», ⁶⁴ не совсем точна. Рукописный материал архива Сакулина, относящийся к монографии об Одоевском, крайне неоднороден. ⁶⁵ Далеко не все из его материалов имеют непосредственное отношение ко второму тому. Это папки № 82, 83 (частично), 84, 85, 91, 144, 145. В некоторых из них материал находится в неразобранном и беспорядочном состоянии. ⁶⁶ Другие представляют собой системати-

⁶³ Там же, ед. хр. 72, л. 62—62 об.

⁶⁴ См.: *Турьян М. А.* Неоконченный труд П. Н. Сакулина о В. Ф. Одоевском. С. 165.

⁶⁵ В фонде Сакулина (ф. 272) материалы, связанные с монографией о В. Ф. Одоевском, находятся в оп. 1, ед. хр. 72—92, 144, 145, т. е. занимают 23 объемистые папки.

⁶⁶ Например, ед. хр. 83 (299 л.), обозначенная как «Материалы для книги об Одоевском, Владимире Федоровиче». В этой папке отсутствует сквозная нумерация страниц, несколько раз их отсчет начинается заново. Но и в этих имеющих автономную нумерацию подразделах нет систематического расположения материала, часть из которого вообще не относится к данной монографии Сакулина. Тем не менее эта папка содержит ряд любопытных материалов, касающихся Одоевского (в том числе и позднего периода). Это выписки Сакулина из зарубежных дневников князя 1857—1858 гг., хранящихся в архиве Московской консерватории (на л. 121—153, 3-й пагинации). Кроме того, имеется сообщение Сакулина о рецензии А. А. Потевни на книгу Н. Ф. Сумцова об Одоевском. Сакулин приводит эти замечания Потевни, хотя и выборочно (л. 158—160, 3-й пагинации). Судя по этим заметкам, Потевня весьма критически оценивал взгляды Одоевского на «народ».

зированные по темам выписки, где авторский текст присутствует в незначительном количестве — в виде ремарок и кратких выводов (например, ед. хр. 82). Однако есть папки, которые содержат связный и развернутый авторский материал. Так, почти законченный вид имеет глава «Народность и народ» (ед. хр. 84). Кое-где рукопись принимает конспективный характер, но основные положения автора изложены четко. Присутствует авторский текст, пусть и в меньшем объеме, в главах «Научный реализм» (ед. хр. 85) и «Этические и социологические идеи Одоевского» (ед. хр. 87).

Хотя Сакулин не оставил плана второго тома, представление об авторском замысле можно составить, исходя из сохранившихся материалов и авторских замечаний. Последовательность первых трех глав не вызывает сомнений.

Первой намечалась глава «Научный реализм кн. В. Ф. Одоевского» (ед. хр. 85, 653 л.) с рубриками: наука — искусство — религия (возможно, эти рубрики могли служить самостоятельными главами). В этой главе Сакулин намеревался охарактеризовать общую эволюцию взглядов Одоевского от «философско-мистического идеализма» к «научному реализму». Первый раздел этой главы посвящен рассмотрению историко-культурного фона, на котором протекало идейное развитие Одоевского в 40—60-е гг., — тому общему движению, которое Сакулин обозначил термином «реализм». В частности, он предполагал дать характеристику «реализма» А. И. Герцена, Н. П. Огарева и особенно Н. И. Пирогова, в воззрениях которого (и не без основания) он усматривал наибольшую близость с теоретической платформой бывшего любомудра. Второй раздел должен был характеризовать взгляды Одоевского на науку, третий — на искусство и последний — на религию. Основные работы Одоевского, проливающие свет на его религиозную позицию (например, «Религия нашей эпохи»: л. 429—434), приведены на французском языке.⁶⁷

Следующей идет глава «Этические и социологические идеи Одоевского» (ед. хр. 87, 520 л.). Об этом можно судить на основании авторских пометок. На первом листе этой главы проставлена римская цифра II, дающая основание думать, что это должна была быть вторая глава второго тома. Начало текста тоже свидетельствует о наличии предшествующего материала — о «научном реализме». Глава начинается так: «Итак, в своем научном мировоззрении Одоевский существенным образом разошелся с основами философского и мистического идеализма и приблизился к реалистам, но при этом он не отказался ни

⁶⁷ С обилием заметок на французском языке мы сталкиваемся и в материалах, посвященных политическим воззрениям князя (ед. хр. 82).

от искусства, ни от религии. Изменился лишь метод его научной мысли. Сфера же нравственных понятий и идеалов осталась почти прежней» (ед. хр. 87, л. 1). В рукописи проставлено и подчеркнуто название этой главы: «Проблемы жизни». Рядом сбоку дано другое: «Этические и социологические идеи Одоевского».

Вслед за ней, по-видимому, идет глава «Народность и народ» (ед. хр. 84, 262 л.). По крайней мере, она планировалась после первых двух, поскольку в тексте встречаются авторские отсылки на социологические взгляды князя как на предшествующий материал. Эта глава состоит из четырех разделов. Первый, как всегда у Сакулина, должен был характеризовать историко-культурный фон, т. е. воззрения современников князя на «народность». В рукописи сам текст этого раздела отсутствует, поскольку Сакулин намеревался использовать здесь свою статью «Мужик-сфинкс и 19 февраля», о чем имеется указание автора и печатный текст статьи с авторской правкой.⁶⁸ В ней Сакулин освещает соответствующие взгляды Герцена, Белинского, Надеждина и славянофилов (К. С. Аксакова, И. В. Киреевского, А. С. Хомякова, Ю. Ф. Самарина). Кроме того, ученый намеревался включить в этот раздел и точку зрения «официальной народности», имея в виду журнал «Маяк». Второй раздел обрисовывает личные взаимоотношения Одоевского с московскими славянофилами (л. 3—19). Третий дает характеристику взглядов самого Одоевского на «народность» (л. 19—43). Четвертый — самый обширный — целиком посвящен полемике князя со славянофилами (л. 44—175).

Трудно судить о дальнейшей последовательности глав. Скорее всего, дальше могла идти глава «Просветительская деятельность В. Ф. Одоевского» (ед. хр. 145, 149 л.). К ней примыкают папки «От идеализма к позитивизму» (ед. хр. 144, 155 л.), «Сельское чтение» (ед. хр. 91, 116 л.) и «Наука до науки» — о дошкольном образовании (ед. хр. 78). Возможно, эта глава могла иметь другое название: «Одоевский как журналист», судя по одной ремарке автора.

По-видимому, заключительной должна была стать глава, посвященная социально-политическим воззрениям князя (ед. хр. 82, 602 л.). В тексте она не озаглавлена, но, судя по авторской пометке (на л. 167а), ее название — «Общественные идеи В. Ф. Одоевского 50—60-х годов». В этой папке авторский текст почти отсутствует, материал собран и систематизирован, но почти не обработан.⁶⁹ Поэтому есть основание

⁶⁸ Эта статья была опубликована в журнале «Вопросы воспитания» за 1911 г., № 2. Имеется ее отдельный оттиск, вышедший в том же году (М.: Изд-во Кушнарера, 1911).

⁶⁹ Исключение составляет раздел, освещающий позицию Одоевского в «крестьянском вопросе», т. е. по поводу реформы 19 февраля 1864 г. Имеется печатная статья Са-

думать, что она должна была завершать монографию. Кроме того, в архиве Сакулина имеются папки, содержащие биографический материал о русском писателе (ед. хр. 72 и 73). Автор собирался его использовать в приложении к монографии. Таковы вкратце материалы второго тома.

Подводя итог сакулинскому анализу творчества Одоевского, следует добавить, что во всякой интерпретации сказывается не только теоретический уровень автора, но и его личность. Теоретические установки Сакулина и его психологический склад оказались во многом созвучными предмету его исследования. Фигура Одоевского — сложная, парадоксальная — нашла в Сакулине своего исторического наследника, как бы воплотившего лучшие ее черты. Не зря критика охарактеризовала сакулинский труд как «подлинное воскрешение из мертвых» князя Одоевского.

Пожалуй, и сам Сакулин именно так понимал свою задачу. В речи на защите он следующим образом описывал работу по восстановлению рукописного наследия мыслителя: «Когда с лупой в руках разберешь, наконец, какой-нибудь клочок мелко исписанной бумаги, почувствуешь, какое большое содержание заключено в этих немногих строках. Какая-нибудь маленькая заметка хранит на себе свежие следы глубокой мысли и проникновенного настроения человека, которого мучит загадка жизни. Сколько раз я жалел, что не обладаю сказочной живой водой, чтобы вспрыснуть ею эти драгоценные осколки души и чувствований и вызвать к жизни яркий образ писателя». ⁷⁰ Свои усилия он сравнивал с работой археолога, который достает из-под руин и щебня прекрасную статую. «Прекрасная статуя лежит в забвении, заваленная разным хламом. Так и Одоевский лежал долгое время под высокой грудой оставленных им бумаг. Нужно было разобрать эту грудку и откопать его. Статуя мыслителя выглянула на свет». ⁷¹ Благодаря личности Сакулина в русском любознательном ярче и отчетливее проступили характерные особенности русского творческого гения. Универсализм и вселенская отзывчивость, сочетание теоретической архаики и

кулина: К истории крестьянского вопроса. (По неизданным материалам В. Ф. Одоевского) // Современник. 1912. № 11. С. 215—222. Выписки в папке систематизированы по следующим разделам: «Реформы 60-х гг.» (л. 1—217а); «Политические взгляды» (л. 217б—399а); «Польский вопрос» (л. 400а—430а); «Внешняя политика России. Восточный вопрос» (л. 431—542а); «Недовольно», статья Одоевского (л. 543—549). В свою очередь первый раздел включает подразделы: крестьянская реформа 19 февраля (л. 2—69б); судебная реформа (л. 69в—115а); цензура и гласность (л. 116а—167); и разрозненные замечания (л. 167а—217а).

⁷⁰ «Речь перед диспутом»... л. 19—20.

⁷¹ РО ИРЛИ, ф. 272, оп. 1, ед. хр. 72, л. 136.

новаторских идей, поэзия научного поиска и неустанное стремление вперед, просвещенный дилетантизм и утопические грезы — такими предстают перед нами автор и его герой.

Долгое время работа Сакулина об Одоевском замалчивалась и даже третировалась как устаревшая. Нельзя признать такую оценку справедливой. Ценность этого труда в полной мере еще не осознана, в том числе плодотворность его методологических установок. Взять хотя бы вопрос о взаимосвязи литературы и философии. Эта связь осознается далеко не всеми специалистами-гуманитариями, хотя история культуры демонстрирует устойчивую закономерность: периоды культурного взлета, в том числе «золотые века» литературно-художественного творчества, совпадают по времени с периодами интенсивного философского развития. Так было и в классической Греции, и в период «золотого века» римской литературы, и в эпоху «восточного» и «западного» Возрождения. И в России XIX в. небывалый в ее истории культурный рост шел рука об руку с формированием национальной философской школы. Словом, серьезная литература не существует без философии и напрямую зависит от нее, как зависит растение от питающих его корни подпочвенных вод.

Сакулин в полной мере осознавал эту взаимосвязь. «Каждый художественный образ, — писал он, — и литература в целом так насыщены идеями философскими и общественными, так неразрывно сплетены с общим процессом жизни, что изучать их изолированно не представляется никакой возможности».⁷² Он призывал «не отрывать насильственно» историю литературы от истории культуры и изучать литературный процесс и личность писателя в живой связи с историей общественности и историей философии.⁷³ Ценность сакулинского труда об Одоевском заключается не только в богатстве конкретного материала. На этом конкретном материале, на частном примере деятельности отдельного писателя он сумел блестяще продемонстрировать всеобщие закономерности литературного творчества.

Конечно, сегодня сакулинская трактовка творчества Одоевского нуждается в поправках и дополнениях — но таково вечно зеленеющее древо науки. Даже незавершенный, сакулинский труд об Одоевском — одно из выдающихся созданий русского творческого духа.

⁷² «Речь перед диспутом»... л. 39—40.

⁷³ Там же, л. 41—42.

РЕЧЬ ПЕРЕД ДИСПУТОМ П. Н. САКУЛИНА

Предлагаемая вниманию читателей публикация выступления Павла Никитича Сакулина на защите диссертации о В. Ф. Одоевском преследует две цели. Во-первых, дать представление о философских и методологических принципах, которыми руководствовался автор при написании своего уникального труда. Во-вторых, в этом выступлении Сакулин затрагивает некоторые дискуссионные проблемы современного ему литературоведения. Небезынтересно сравнить полемику в филологической науке начала XX в. с современным состоянием тех же проблем. Позиция Сакулина по многим из них представляется весьма созвучной и близкой современному литературоведению.

Прежде всего, обращает внимание интерес Сакулина к теме романтизма и неоромантизма, что было, в общем, не характерно для отечественных филологических исследований того времени. Главное внимание и критики, и науки привлекало мощное реалистическое направление в русской литературе. Романтизм долгое время рассматривался как маргинальное литературное явление, о котором отзывались скорее неодобрительно, чем сочувственно. По меткому выражению одного исследователя, он был чем-то вроде почтовой станции на пути к реализму. «Романтический бум» в советском литературоведении наступил в 70—80-х гг. XX в., и сегодня это направление не находится более на обочине филологической науки. Сакулин был одним из первых русских филологов, кто не только проявил интерес к этому явлению, но и дал развернутый анализ его идейных оснований и художественных особенностей на примере творчества В. Ф. Одоевского.

Другая проблема, затронутая в «Речи» Сакулина, касается вопроса о литературных влияниях и, в связи с этим, специфических особенностей русского романтизма. Мнение о «заимствованном» характере русской культуры (и романтизма в частности) было весьма влиятельным и широко распространенным среди части российской интеллигенции. В то же время американский романтизм никогда не подвергался сомнению в качестве национального и органического явления американской литературы, несмотря на то что он развивался под явным влиянием европейского. Сакулин был среди тех ученых, кто противостоял национальному нигилизму и отстаивал «почвенный» характер любой национальной культуры. И в своих последующих работах («Романтизм и „неоромантизм“», 1915; «Литературная старина (под зна-

ком византийской культуры)», 1928) он развивал идею о национальной специфике явлений мировой литературы.

Наконец, в своем выступлении Сакулин затрагивает немаловажный вопрос о самом предмете литературоведческой науки. Не отрицая того факта, что главным предметом литературоведения остается художественное слово, он настаивал на историко-культурном, а не формалистическом подходе к литературным явлениям. Он призывал рассматривать литературный процесс не изолированно, а в тесной связи с историей культуры, идейной и общественной жизнью. Следует признать, что в исторической перспективе принципы культурно-исторической школы, освобожденные от некоторых свойственных ей преувеличений, оказались весьма плодотворными. Наглядным доказательством этому служит сакулинская монография о В. Ф. Одоевском. Именно реализация методологических принципов этой школы сделала его исследование творчества Одоевского столь насыщенным и не утратившим ценности и поныне.

Что касается философских установок П. Н. Сакулина, то этот вопрос подробно рассматривался выше. Остается добавить несколько слов о Вильгельме Вундте (1832—1920), на философский авторитет которого ориентировался Сакулин. Ныне почти забытый, в свое время В. Вундт пользовался широкой известностью. Свою научную карьеру он начинал как физиолог и психолог и вошел в историю психологической науки в качестве основателя первой в мире лаборатории экспериментальной психологии. От психологии он перешел затем к изучению философских и культурологических проблем.

В конце XIX—начале XX в. Вундт был в числе наиболее широко издаваемых иностранных авторов в России. Неоднократно в разных издательствах выходили его работы и популярные пособия по физиологии, психологии и философии. К основным философским сочинениям Вундта относятся: «Система философии» (Лейпциг, 1889; русск. перевод 1902), «Этика» (Штутгарт, 1886; русск. перевод 1887—1888) и «Введение в философию» (Лейпциг, 1901). Последняя работа пользовалась наибольшей популярностью. Именно она служила философским ориентиром для Сакулина.

В философии Вундт выступал не как оригинальный мыслитель, а скорее как популяризатор, который, однако, стремился самостоятельно систематизировать наличный философский материал. Известный русский философ В. С. Соловьев в своей статье о Вундте в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона характеризовал его как философа-эклектика, сочетавшего элементы спинозизма, кантианства, гегельянства и позитивизма. Можно считать, что выбор Вундта Сакулиным в качестве философского авторитета был закономерен. Этому

способствовали и широкая известность этого немецкого мыслителя, и специфика его философской позиции. Для Вундта характерен тот же широкий эклектизм, который отличал взгляды В. Ф. Одоевского и импонировал самому Сакулину.

Впоследствии, уже в 20-е гг., Павел Никитич категорически отрицал близость своих позиций философским установкам Вундта. В 1925 г. на страницах журнала «Печать и революция» разгорелась дискуссия по поводу статьи П. Н. Сакулина «Методологические задачи историка литературы» (опубликованной в первом номере этого журнала за 1925 г.). Один из оппонентов, бывший ученик Сакулина Н. Н. Фатов, прямо обвинил своего учителя в симпатиях к «махизму». «В своих философских воззрениях, — писал Н. Фатов, — П. Н. Сакулин примыкал к В. Вундту, Маху и Авенариусу», ссылаясь при этом на лекционный курс Сакулина 1907—1909 гг.¹ В ответной статье Сакулин назвал это заявление о своей приверженности взглядам Вундта и Маха «голой выдумкой» Фатова.² Не будем торопиться уличать Сакулина в сокрытии истины. В середине 20-х гг. обвинение в махизме являлось, по существу, идеологическим доносом и могло послужить основанием для репрессий. Понятно в этой ситуации поведение Сакулина: он защищался, как мог. Тем не менее публикуемый текст речи Сакулина на защите диссертации о В. Ф. Одоевском свидетельствует о том, что заявления Н. Фатова были вовсе не беспочвенны. И в 1913 г. Сакулин сохранял приверженность философским установкам В. Вундта.

В заключение напомним, что защита диссертации П. Н. Сакулина о В. Ф. Одоевском состоялась 13 окт. 1913 г. на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета. В архиве П. Н. Сакулина в ИРЛИ сохранилось два документа, отражающих процедуру защиты. Это «Тезисы» к диссертации (рукопись и типографский оттиск), подписанные к печати деканом историко-филологического факультета А. Грушкой 10 сент. 1913 г. (ф. 272, оп. 1, ед. хр. 92). В «Тезисах» отражены основные положения монографии П. Н. Сакулина о В. Ф. Одоевском. Второй документ — рукопись подготовленной Сакулиным речи на защите (ф. 272, оп. 1, ед. хр. 89), которая и предлагается вниманию читателей. Помимо речи на защите в Приложении публикуется переписка П. Н. Сакулина с заведующим Отделением рукописей Публичной библиотеки И. А. Бычковым, которая также проливает свет на создание сакулинской монографии.

¹ Фатов Н. Н. По поводу статьи П. Н. Сакулина об историко-литературной методологии // Печать и революция. 1925. Кн. 5—6. С. 91.

² См.: Сакулин П. Н. Мои пояснения // Печать и революция. 1926. Кн. 2. С. 89.

«РЕЧЬ ПЕРЕД ДИСПУТОМ» ПРИ ЗАЩИТЕ ДИССЕРТАЦИИ ОБ ОДОЕВСКОМ ВЛАДИМИРЕ ФЕДОРОВИЧЕ

13/X. 1913.

Как только историки литературы вступили в пределы XIX в., они сразу же встретились с явлением, имеющим первостепенную важность, но и необыкновенно трудным для анализа. Это — романтизм.

Многозначительное и чарующее слово! глубоко притягательная сила скрыта в нем. На Западе романтизм давно уже стал предметом пристальной научной разработки. Европейская наука с гордостью может выставить несколько фундаментальных сочинений по истории романтизма и длинный ряд частных исследований. И в самые последние годы один за другим продолжают выходить ценные труды по романтизму, особенно немецкому. Назову хотя бы работы Walzel'я, Ricarda Huch, H. Gehwind, Oscar Ewald, Spenlé, Lichtenberger и др.³

³ *Walzel Oscar Frans* (1864—1944) — немецкий теоретик и историк литературы, автор работ о Г. Ибсене (1912), Р. Вагнере (1913) и других деятелях западноевропейской культуры романтического направления. Был профессором университетов в Берне и Бонне. По-видимому, Сакулин имеет в виду двухтомный труд О. Вальцеля «*Deutsche Romantik*» («Немецкие романтики». Берлин, 1908). У Вальцеля есть и другая работа, посвященная романтизму (совместно с К. Шуддекопфом), — «*Goethe und die Romantik*» (Веймар, 1898—1899). В 20-е гг. Сакулин имел творческие контакты со своим немецким коллегой. Вальцель (через В. М. Жирмунского) пригласил Сакулина к сотрудничеству в коллективном труде европейских ученых «*Handbuch der Literaturwissenschaft*» («Руководство по литературоведению»). Для этого издания (впоследствии неоднократно переиздававшегося) Сакулин написал очерк истории русской литературы. *Huch Ricarda Octavia* (1864—1947) — немецкий историк и филолог, автор трудов по римской истории, а также по истории культуры и литературы. Выступала и как драматург. Рикарде Хац принадлежат две работы о романтизме интересующего нас периода: «*Blütezeit der Romantik*» (Лейпциг, 1899; 2-е изд.: 1908) и «*Ausbreitung und Verfall der Romantik*» (Лейпциг, 1902). *Ewald Oscar* (1881—1940) — австрийский философ идеалистического направления. Преподавал в Венском университете, доктор философии (с 1903 г.). Сакулин имеет в виду работу О. Эвальда «*Romantik und Gegenwart. Die Probleme der Romantik als Grundfragen der Gegenwart*» (Берлин, 1904). *Spenlé Jean-Edouard* — французский исследователь романтизма. Работа Spenlé, которая могла прежде всего заинтересовать Сакулина, посвящена романтическому идеализму Новалиса: «*Novalis. Essai sur l'idealisme romantique en Allemagne*» (Париж, 1904). Кроме того, Spenlé принадлежит исследование о литературном салоне Рахиль Варнгаген: «*Rahel M-me Varnhagen von Ense. Histoire d'un salon romantique en Allemagne*» (Париж, 1910). Она также могла привлечь внимание Сакулина, поскольку хозяин салона немецкий критик и литератор Карл Август Варнгаген фон Энзе был переводчиком и пропагандистом русской литературы в Германии. В частности, он перевел на немецкий язык несколько новелл В. Ф. Одоевского, с которым со-

История русского романтизма находится в менее счастливом положении. Отчасти это обуславливается тем, что, по самой сути дела, в данном вопросе мы находимся в известной зависимости от западной науки: нельзя было приниматься за исследование русского романтизма, пока мы не имели отчетливой картины романтизма европейского. Но, с другой стороны, органический ход нашей науки — истории р<усской> литературы — был [виной?] того, что XIX в. вообще и романтизм в частности сравнительно поздно заняли место в ряду очередных ее задач. В XX в. под влиянием некоторых обществ<енных> и литературных настроений идеалистического характера и даже прямо неоромантического (как символизм) интерес к романтизму значительно оживился. Тем не менее в смысле научного изучения вопроса сделано еще весьма недостаточно.

Уже первый истинный поэт, стоящий на рубеже двух веков, В. А. Жуковский, потребовал точного уяснения понятия «романтизм» в его русской форме. Давняя традиция, казалось, навсегда окружила меланхолический образ певца Светланы нимбом романтизма, но исследования таких выдающихся русских ученых, как покойный мой учитель Н. С. Тихонравов и Ал-др Ник. Веселовский, осветили нам иначе длинную сущность настроения Жуковского и особенности его творчества.⁴ «Поэзия чувства и сердечного воображения» была приведена в

стоял в переписке. В архиве В. Ф. Одоевского в Российской национальной библиотеке имеется пять писем Варнгагена (Фарнгагена) фон Энзе князю Одоевскому (ОР РНБ, ф. 539, № 307). *Lichtenberger Henri* (1864—1941) — профессор немецкой литературы Парижского университета. Скорее всего, Сакулин имеет в виду монографию Лихтенбергера о немецком романтике Новалисе («Novalis», 1911). Кроме того, этому исследователю принадлежат работы о Р. Вагнере (1898), Г. Гейне (1905) и Ф. Ницше (1898). Какие работы Gehwind'a имеет в виду Сакулин, установить не удалось.

⁴ *Тихонравов Николай Саввич* (1832—1893) — русский литературовед, один из крупнейших представителей культурно-исторической школы. Сакулин имеет в виду большую рецензию Н. С. Тихонравова на книгу П. Загарина (псевдоним Л. И. Поливанова) «В. А. Жуковский и его произведения. 1773—1883» (М.: изд-во Л. Поливанова, 1883). Сочинение Поливанова было приурочено к столетнему юбилею со дня рождения Жуковского. Тихонравов предполагал переделать эту рецензию в самостоятельную статью, однако так и не осуществил этот замысел. Тем не менее он использовал материалы рецензии в своем лекционном курсе (см.: *Тихонравов Н. С. Русская литература XIX века*. Карамзин. Жуковский. Курс лекций в Московском университете в 1888—1889 гг. М.: Н. Серебрянников, 1889). Рецензия «В. А. Жуковский» впервые была опубликована по рукописи в трехтомном издании «Сочинений» Н. С. Тихонравова (см.: М.: изд-во М. и С. Сабашниковых, 1898. Т. 3, ч. 1. С. 380—503). *Веселовский Александр Николаевич* (1839—1906) — крупнейший русский литературовед, исследователь фольклора, академик. Основные труды А. Н. Веселовского посвящены западноевропейской и мировой литературе, а также теоретическим проблемам литературоведения. Единственная крупная работа, которую Веселовский оставил по новой русской литературе, — это мо-

ближайшую связь с сентиментальной школой Карамзина, Жуковского допустили только на «порог романтизма», и теперь некоторые историки литературы, как, напр<имер>, Н. А. Котляревский в своей книге «Литературные направления александровской эпохи», предпочитают вовсе не упоминать о романтизме, когда говорят о Жуковском: поэт сентиментализма — не более того. Но вопрос, нам кажется, еще не решен окончательно. Мы достаточно поняли, чем не похож Жуковский на романтиков (гл<авным> обр<азом>, на немецких романтиков), но мы еще не вполне выяснили, чем он все-таки похож на них. Может быть, в Жуковском мы имеем характерную разновидность того широкого течения, которое называется романтизмом? Нам, по крайней мере, кажется, что Ж<уковск>ого с полным основанием можно назвать представителем сентиментального романтизма. Термин «сентиментальный романтизм», употребленный мною в печати, кое-кем был уже повторен, но, разумеется, еще не может считаться принятым.

Кроме сентиментального романтизма можно различать еще три ветви русского романтизма: 1) байронизм, 2) романтизм народности (романтический национализм) и 3) философский романтизм. Байронизму, сравнительно говоря, у нас посчастливилось. Достаточно назвать последние работы по этому вопросу проф. Алексея Н. Веселовского, где мы найдем полную и научно освещенную историю русского байронизма.⁵ Романтический национализм, выразившийся в идеологиях народности и в историческом романе 20—30-х годов, еще ждет синтетической работы. В частности, по историческому роману мы имеем небольшие и уже устаревшие статьи (как, например, статья Скабичевского), отдельные главы в общих работах или, наконец, разрозненные попытки изучить Загоскина (в книге И. И. Замотина «Романтический идеализм», преим<ущественно> об «Юрии Мил<ослав-

нография о Жуковском: «В. А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения» (СПб.: тип. Имп. Ак. наук, 1904). Ее и имеет в виду Сакулин. Веселовский характеризовал Жуковского как представителя «русского сентиментализма карамзинской школы». П. Н. Сакулину принадлежит статья об Александре Веселовском в «БСЭ» (М., 1928. Т. 10).

⁵ *Веселовский Алексей Николаевич* (1843—1918) — историк литературы, профессор Московского университета. Сакулин имеет в виду работу Алексея Веселовского «Этюды о байронизме», последний раздел которой посвящен русскому байронизму, т. е. влиянию Байрона на русскую литературу первой трети XIX в. (см.: *Веселовский А. Н. Этюды и характеристики*: В 2 т. М.: тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1912. Т. 1. С. 514—561). Кроме того, влияние Байрона на русскую литературу прослежено А. Н. Веселовским в работе «Западное влияние в новой русской литературе» (1-е изд. М., 1883; 4-е изд. М., 1910). Сакулину принадлежит некролог Алексею Веселовскому: *Сакулин П. Н. А. Н. Веселовский* // Научные известия. М., 1922. Т. 2.

ском>») или Полевого (в книге Н. К. Козмина).⁶ То течение в нашем романтизме, которое можно назвать философским романтизмом, действительно обратило на себя серьезное внимание русских ученых, среди которых можно назвать имена А. Н. Пыпина, А. Н. Веселовского, П. Н. Милюкова, Пятковского, Венгерова, Котляревского, проф. Евг. Боброва, М. М. Филиппова, Коллюпанова, Иванова-Разумника, М. О. Гершензона и И. И. Замотина.⁷ Но и в этой области работа далеко еще не закончена.

⁶ *Скабичевский Александр Михайлович* (1838—1910) — историк русской литературы. О какой статье Скабичевского, посвященной русскому историческому роману периода романтизма, идет речь у Сакулина, установить не удалось. *Замотин Иван Иванович* (1873—1942) — историк русской и белорусской литературы, профессор Варшавского (с 1908), Донского (с 1917), затем Белорусского (с 1922) университетов. Историческому роману М. Н. Загоскина «Юрий Милославский» посвящена четвертая глава монографии И. И. Замотина «Романтический идеализм в русском обществе и литературе 20—30-х годов XIX столетия» (СПб.: тип. М. А. Александрова, 1908). На это издание в дальнейшем ссылается Сакулин в тексте «Речи». *Козмин Николай Кирович* (1873—1942) — историк русской литературы, известный пушкиновед. Сакулин имеет в виду работу Н. К. Козмина «Очерки из истории русского романтизма. Н. А. Полевой как выразитель литературных направлений современной ему эпохи» (СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1903). Анализ русского исторического романа эпохи романтизма, в том числе историческим романам Н. А. Полевого, посвящен специальный раздел этого исследования (с. 67—180).

⁷ *Пытин Александр Николаевич* (1833—1904) — русский ученый, литературовед, академик, крупнейший представитель культурно-исторической школы в литературоведении. К философскому романтизму Пыпин относил славянофильство, анализу которого посвящены VI и VII главы его работы «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов» (СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1909). У Сакулина имеется отдельная статья о А. Н. Пыпине: *Сакулин П. Н.* А. Н. Пыпин. Его научные заслуги и общественные взгляды // Вестник воспитания. 1905. № 4. *Милоков Павел Николаевич* (1859—1943) — крупный русский историк и политический деятель, лидер партии кадетов. О литературно-философских направлениях в русской литературе, в частности, о романтическом идеализме 20—30-х гг. П. Н. Милоков писал в работе «Из истории русской интеллигенции» (СПб., 1902). *Пятковский Александр Петрович* (1840—1904) — историк русской литературы и журналистики. Автор монографий о представителях русского философского романтизма В. Ф. Одоевском и Д. В. Вeneвитинове: «Князь В. Ф. Одоевский. Литературно-биографический очерк» (СПб., 1880); «Князь В. Ф. Одоевский и Д. В. Вeneвитинов. Историко-литературные характеристики» (СПб., 1903). *Венгеров Семен Афанасьевич* (1855—1920) — критик, историк литературы, библиограф и редактор. По-видимому, Сакулин имеет в виду «Очерки по истории русской литературы» С. А. Венгерова (СПб.: «Светоч», 1907), которые затем вошли в «Собрание сочинений С. А. Венгерова» (СПб.: «Прометей», 1911—1919). Отдельные главы (о Н. Гоголе, К. Аксакове) публиковались также в виде самостоятельных брошюр. *Котляревский Нестор Александрович* (1863—1925) — литературовед, академик (с 1909 г.), один из основателей и первый директор Пушкинского Дома (1910—1925). Проблемы философского романтизма затрагиваются Котляревским в работе «Литературные направления Александровской эпохи» (СПб.: «Светоч», 1907). Яркие характеристики литераторов этого направления (Е. А. Баратынского, Д. В. Вeneвитинова, В. Ф. Одоевского) даны в его книге

Итак, многие и притом весьма существенные стороны в истории русского романтизма еще не обследованы. Намечаются главные линии развития, но цельной картины еще нет. Уже и теперь мы догадываемся, что русский романтизм должен иметь свои специфические особенности. Мы можем предположить это уже а priori. Ведь всякое сколько-ни-

«Старинные портреты» (СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1907). *Бобров Евгений Александрович* (1867—1933) — русский философ-идеалист, представитель персонализма, преподаватель и профессор Варшавского университета. Кроме собственно философских сочинений опубликовал ряд работ по истории русской философии и литературы. В шести выпусках «Философии в России» (Казань, 1899—1902) Е. А. Боброва содержит много ценного материала по русской философии первой трети XIX в., в основном источниковедческого характера. В частности, Бобров опубликовал некоторые труды Д. В. Венивитинова, Д. М. Велланского, П. Я. Чаадаева, И. В. Киреевского, т. е. тех мыслителей, которые составляли лагерь русского шеллингянства. Кроме того, Е. А. Боброву принадлежит аналогичная по характеру работа «Литература и просвещение в России XIX века. Материалы, исследования и заметки» (Казань: тип. Имп. ун-та, 1901—1902. Т. 1—3), где собраны материалы о поэтической и критической деятельности Д. В. Венивитинова, материалы к биографии В. С. Печерина, научно-литературной деятельности Д. М. Велланского и И. И. Давыдова. Видимо, именно эти исследования Е. А. Боброва имеет в виду Сакулин. *Филиппов Михаил Михайлович* (1858—1903) — русский ученый-энциклопедист, литератор, редактор журнала «Научное обозрение». Автор трудов по истории философии, науки и литературы, а также ряда художественно-исторических произведений. Сакулин имеет в виду книгу М. М. Филиппова «Судьбы русской философии» (СПб.: изд-во Глаголева, 1904). В этой работе (изданной посмертно) отражен шеллингянско-романтический период в развитии русской философии XIX в. и дана характеристика воззрений основных представителей русского шеллингянства (Д. М. Велланского, А. И. Галлича, И. И. Давыдова, М. Г. Павлова), а также ранних славянофилов (И. В. Киреевский, М. П. Погодин). Шеллингянство выступало одним из теоретических источников романтизма. *Коллюпанов Нил Петрович* (1827—1894) — русский экономист. Коллюпанову принадлежит двухтомная «Биография Александра Ивановича Кошелева» (М., 1889—1892), одного из активных деятелей славянофильского движения, идейные и организационные истоки которого восходят к романτισмскому идеализму 20—30-х гг. *Иванов-Разумник Разумник Васильевич* (1878—1946) — историк русской литературы и общественной мысли. Основные работы Р. В. Иванова-Разумника: «Литература и общественность» (СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1910; 2-е изд.: СПб.: «Прометей» Н. Н. Михайлова, 1911) и двухтомная «История русской общественной мысли», выдержавшая три издания (1-е изд.: СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1907; 3-е изд.: СПб., 1911). *Гершензон Михаил Осипович* (1869—1925) — историк русской литературы и общественной мысли. Вопросы, связанные с философским романтизмом, затрагиваются Гершензоном во многих его работах. Объектом его исследовательского интереса выступала по преимуществу русская культура первой трети XIX в. — период расцвета романтизма в литературе и шеллингянства в философии. Этот интерес был обусловлен характером идеалистического мировоззрения самого Гершензона. Философско-литературное движение 30-х гг. он выделял потому, что оно, по его мнению, «не было одним из тех частичных раскрытий идеала, каким являются все общественные движения, по преимуществу политические. Оно имело своим предметом весь идеал в целом, самую его субстанцию» (*Гершензон М. О.* История молодой России. М.: тип. т-ва И. Д. Сытина, 1908. С. 214). Из других работ М. О. Гершензона, относящихся к указанной теме, можно назвать его монографии о Чаадаеве («П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление». СПб., 1908) и В. С. Печерине

будь значительное течение в идейной и литературной жизни имеет свои корни в местных условиях, какими определяется жизнь страны и отдельных общественных групп. Влияние предполагает наличность известной почвы, воспринимающей и перерабатывающей то, что идет извне.⁸ Наш романтизм должен отличаться своими особенностями, вытекающими из условий нашего общественного быта и психологии русского человека. По-видимому, здесь основание утверждать, что русская романтика во всех ее проявлениях сохраняла элементы реализма в большей степени, чем, например, романтика немцев. И, конечно, так соблазнительно эту черту поставить в связь с коренными свойствами русского ума и с господством реализма в русской литературе.⁹ Но мы прекрасно понимаем, как рискованны подобные обобщения, как мало еще наука дает опоры для квалификации народных психологий. И мы воздерживаемся от подобных преждевременных выводов. В ча-

(«Жизнь Печерина». М., 1910), а также предисловие к полному собранию сочинений И. В. Киреевского под редакцией М. Гершензона (М.: Путь, 1911) и сборник очерков о русских писателях, поэтах и мыслителях «Образы прошлого» (М., 1912). *Замотин Иван Иванович* (см. примеч. 6) был одним из крупнейших дореволюционных исследователей русского романтизма. Ему принадлежит ряд крупных работ и статей об этом литературном направлении. Основной его труд — «Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе» (2-е изд. СПб.; М.: тип. т-ва М. О. Вольф в СПб., 1911—1913. Т. 1—2). Первое издание вышло в 1903—1907 гг. (Варшава: тип. Варшавск. уч. округа). К более ранним работам И. И. Замотина о романтизме относятся: «Ранние романтические веяния в русской литературе. Очерк из истории переходной литературной эпохи конца XVIII—начала XIX столетия» (Варшава: тип. Варшавск. уч. округа, 1900); «„Голубой цветок“ в поэзии Жуковского. К истории романтических мотивов в русской литературе» (Львов: «Галицко-русская матица», 1902); «Значение романтизма двадцатых годов XIX столетия в истории русской литературы и общественности» (Казань: тип. Имп. ун-та, 1904).

⁸ В своей более поздней работе Сакулин так сформулировал идею национальной специфики русской литературы: «Русская литература, как и всякая другая, в конце концов составляет часть мировой литературы (Weltliteratur). В этом аспекте должны трактоваться ее исторические явления. Но растет литература органически из *своих* основ и развивается в *своих* социальных и литературных условиях. Поэтому как бы ни было сильно иноземное влияние, оно своеобразно перерабатывается в русской обстановке: европейский классицизм становится *русским* классицизмом, европейский романтизм *русским* романтизмом, вплоть до *русского* футуризма. Я уже не говорю, что в известных своих проявлениях русская литература сама была фактором, влиявшим на литературную жизнь других стран. Международные связи русской литературы всегда были довольно значительны» (*Сакулин П. Н.* Литературная старина (под знаком византийской культуры). М., 1928. С. 14).

⁹ В более развернутом виде ту же мысль о специфических особенностях русского романтизма Сакулин изложил в статье «Романтизм и „неоромантизм“» (Вестник Европы. 1915. № 3). И в этой работе он настаивал на том, что «русский романтизм отличается от немецкого и вообще европейского большей сдержанностью и большим реализмом» (Там же. С. 152—153).

стности, полагаем, что еще рано подводить итоги русскому романтизму. Мы еще медленно подвигаемся по таинственным и извилистым переходам этого капризнейшего из литературных течений; мы еще с трудом разбираем причудливый рисунок литературной ткани романтизма, и исследователей, без сомнения, ожидают еще многие открытия.

Наша монография о кн. В. Ф. Одоевском примыкает к тем немногим работам, которые посвящены философскому романтизму. Это — страница из истории русского идеализма.

Термин «идеализм» и «реализм» мы употребляем в том значении, какое придают им современные философы и, в частности, В. Вундт.¹⁰ Различают три главных направления в метафизике: материализм, идеализм и реализм. «Если материя, мыслимая как основа телесного мира, рассматривается вместе с тем как общая субстанция, мы получаем материализм. Если, наоборот, в субстанцию возводится духовное — будь то в виде индивидуальной души или в форме общего духовного принципа, мыслимого по аналогии с душевными деятельностями, — мы получаем идеализм. Если, наконец, мировоззрение старается принимать равномерно во внимание все различные стороны, которые обнаруживает действительность, мы получаем направление, которое вообще называем реализмом» (262). Давая эти определения, Вундт оговаривается, что он употребляет все эти выражения в том их значении, какое они получили в новейшей философии (реализм, например, в средневековой схоластике обозначал нечто совсем другое). В истории философских систем В. Вундт усматривает тенденцию «непрерывного приближения идеалистического образа мысли к реалистическому» (299). «Более чем всякое другое метафизическое направление», реализм «обладает возможностью дальнейшего поступательного развития, так как он находится в более тесной связи, чем все другие направления, с данным состоянием всего научного мышления» (312). Философия будущего, говорит Вундт, «должна быть реалистичной в том смысле, что она не должна создавать в стороне от положительного знания логического с виду, но на самом деле совершенно фантастического построения понятий; она должна полагать в свое основание реальные науки и применяемые в них, испытанные в них методы, что-

¹⁰ Как уже говорилось во вступительной статье, из философских сочинений В. Вундта наибольшей известностью пользовалось популярное руководство «Введение в философию» (Лейпциг, 1901). В России эта работа издавалась трижды в разных переводах: в переводе Г. А. Котляра под ред. кн. С. Н. Трубецкого (М., 1902); в переводе С. С. Штейнберга и С. Д. Львова (СПб., 1902); под ред. Э. Л. Радлова (СПб., 1903). Сакулин пользуется московским изданием под ред. С. Н. Трубецкого, на которое он и ссылается в тексте «Речи».

бы таким образом на самом деле удовлетворить требованию научной философии. После долгого господства фантастических умозрений, философий настроения и эклектического возрождения отживших свое время мирозерцаний это требование становится в настоящее время более настойчивым, чем оно было когда-либо раньше» (313).

На протяжении второй четверти XIX в. русская идейная жизнь представляет блестящее подтверждение исторической схемы Вундта. В 20—30-х годах господство явно принадлежит идеализму и, в частности, философскому романтизму. Философские настроения, исторические принципы, эстетика, литературная форма — все это озарено лучами романтики. К философскому романтизму, как это мы старались показать в своей книге, примешалась значительная доля мистики, и мы решаемся утверждать, что в 30-х годах возможно говорить о философско-мистическом идеализме, как особом течении, и что в этой именно идейной атмосфере созревали те идеологии народности, которые говорили нам о мессианизме России и, значит, прежде всего славянофильство. Но в 40-х годах мы наблюдаем типичное явление — смену идеализма реализмом именно в вундтовском смысле. Провозвестником такого реализма был у нас прежде всего А. И. Герцен. Он стремится в одном синтезе примирить эмпирию и спекуляцию, построить реалистическую метафизику на основе положительной науки, на основе естествознания. 60-е годы дадут свое развитие реалистическим принципам мирозерцания. Таков несомненный факт идейной эволюции русской интеллигенции. Можно по-разному оценивать его значение, но факт остается фактом. И были, разумеется, свои причины, коренящиеся в общем ходе нашей культурной жизни, почему торжество оказалось на стороне реализма. Мы напоминаем о них в своем введении к книге.

Это не значит, конечно, что идеализм окончательно умер. Во-первых, научно понятый реализм не исключает совершенно идеализма, а предполагает его, как известный ингредиент. Во-вторых, в идеализме содержится столько одухотворяющих начал, столько высокой поэзии, что его стремление раскрыть себя в чистом виде и во всей полноте всегда будет встречать сочувственный отклик в фаустовски настроенных умах. Как Протей, он воплощается в разные образы и остается бессмертным. Исследователь идеализма не может не переживать особого настроения, вызываемого непосредственным общением с тонко-организованными натурами идеалистов. Вместе с ними он поднимается высоко над землей, вдыхает чистый воздух небесных сфер и с волнением следит за их смелыми попытками заглянуть за «пределы предельного». Мгновениями мы сами как бы чувствуем дыхание мировой истины. Полет идеалистической мысли будит в нас самих ирра-

циональные начала психики, и мы сами на минуту становимся романтиками. Но исследователь все же обязан подавлять в себе этот субъективный порыв и рассматривать идеализм не как откровение абсолютной истины, а как известное историческое явление.

В такое именно положение мы стремились поставить себя по отношению к кн. В. Ф. Одоевскому.

Имя Одоевского уже давно у нас на устах. Его личность и литературная деятельность не раз были предметом изучения, начиная с брошюры проф. Н. Ф. Сумцова (1884 г.) и кончая очерком Б. А. Лезина¹¹ и книгой проф. И. И. Замотина «Романтический идеализм в русском обществе и литературе 20—30-х годов XIX столетия» (СПб., 1908). С благодарностью вспоминая о всех своих предшественниках по изучению Одоевского, мы все же вправе сказать, что работа исследования, в сущности, была только начата. Беру двух авторов. Они пользовались не только печатными произведениями Одоевского, но и его бумагами, хранящимися в Императорской Публичной Библиотеке. Уже одно это обстоятельство должно было осветить вопрос о кн. Одоевском, которого до сих пор характеризовали лишь в общих чертах, хотя бы и весьма талантливо, как у А. Ф. Кони.¹² Но, во-первых, ни Лезин, ни Замотин не исчерпали всех рукописных и даже печатных материалов. Во-вторых, оба они не подвергли материал критическому изучению и, в-третьих, не обратили внимания на то, что Одоевский, как мыслитель и писатель, пережил весьма важную эволюцию, на которую был сделан некоторый намек уже в статье Пятковского, что нельзя любым материалом, не обращая внимания на хронологию, пользоваться для характеристики Одоевского, как человека с неизменным раз навсегда мирозерцанием. Замотин так верит в непоколебимый «шеллингизм» Одоевского, что им объясняет и утопию (379) и даже шутку о Зефиротах, напечатанную Одоевским уже в 1861 г. (380). Поэтому о «Сегелиеле», одном из самых характерных произведений мистического периода Одоевского, Замотин говорит лишь вскользь (395—396) и истолковывает узко и натянуто.

Представление о полной косности Одоевского, который будто бы до гробовой доски был не более, как ученик Шеллинга, настолько за-

¹¹ Сакулин имеет в виду брошюру профессора Харьковского университета *Николая Федоровича Сулцова* (1854—1922) «Князь В. Ф. Одоевский» (Харьков, 1884) и работу студента Харьковского университета *Бориса Андреевича Лезина* (1880—?) «Очерки из жизни и литературной деятельности кн. В. Ф. Одоевского» (Харьков, 1907).

¹² Выдающемуся русскому юристу, публицисту и общественному деятелю *Александрю Федоровичу Кони* (1844—1927) принадлежит статья о В. Ф. Одоевском в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза—Ефрона (СПб., 1897. Т. 42), а также очерк «Князь В. Ф. Одоевский» (СПб., 1904).

село в голове Замотина, что он отказывается верить самым бесспорным свидетельствам даже Одоевского. Автор «Русских ночей» говорит, что здесь изображена эпоха, когда Шеллингова философия перестала удовлетворять искателей истины, а Замотин (403) тем не менее твердит: «Но мы видим все-таки, что во всех спорах и толках „искателей истины“ всегда доминирует мировоззрение самого Одоевского, не перестающего и в более позднюю эпоху своего развития смотреть на задачу универсальной жизни глазами Шеллинга» (с. 405 (о Фаусте), 410, 411).

Тот же взгляд без всяких колебаний повторил и Ив<анов>-Разумник в своих комментариях к сочинениям Белинского и притом дважды — и в первом, и во втором издании,¹³ хотя мною в печати была указана ошибочность такого взгляда. В-четвертых, Замотин, которому принадлежит последняя по времени работа об Одоевском, дал хотя и интересную, но, на наш взгляд, мало удовлетворительную постановку вопроса, рассматривая автора «Р<усских> н<очей>» как представителя «романтического универсализма».

Мы поставили себе целью обследовать весь имеющийся материал, в том числе и обширное собрание бумаг Одоевского. Оно оказалось настоящим кладом, но, как и всякий клад, дается нелегко. Среди них важное место принадлежит небольшим заметкам, которые Одоевский писал то в тетрадах, то просто на клочках, большей частью без всякой хронологии. Трудная, но и благодарная работа — перечитать и критически осмыслить все эти *membra disjecta*.¹⁴

Когда с лупой в руках разберешь, наконец, какой-нибудь клочок мелко исписанной бумаги, почувствуешь, какое большое содержание заключено в этих немногих строках. Какая-нибудь маленькая заметка хранит на себе свежие следы глубокой мысли и проникновенного настроения человека, которого мучит загадка жизни. Сколько раз я жалел, что не обладаю сказочной живой водой, чтобы вспрыснуть ею эти драгоценные осколки души и чувствований и вызвать к жизни яркий образ писателя. Насколько мы были в силах, мы старались проникнуть в интимные закоулки его внутренней жизни, вслушаться в его задушевные речи и понять его личность во всей сложности переживаний. Мы убедились, что духовная жизнь Одоевского гораздо богаче, чем дума-

¹³ Имеется в виду трехтомное юбилейное издание сочинений В. Г. Белинского под ред. Р. В. Иванова-Разумника (СПб., 1911), приуроченное к столетней годовщине со дня рождения великого критика. Второе издание, о котором упоминает Сакулин, вышло в 1913 г.

¹⁴ «*Membra disjecta*» — буквально: «разбросанные члены» (*лат.*). В переносном смысле — отрывки (как правило, поэтические), лишенные единства и цельности.

ли до сих пор, что он не стоял на одном месте, а пережил в своем духовном развитии несколько периодов (мы различаем три), что он теснейшим образом связан с самыми важными течениями нашей умственной жизни на протяжении с 20-х по 60-е гг. включительно. Для квалификации мировоззрения Одоевского мы уже не могли принять предложенного проф. Замотиным, правда, звучного и многообещающего, термина «романтический универсализм».

Термин этот подсказан ему Вл. Соловьевым. Вл. С. Соловьев однажды выразился, что для романтиков «все исторически-ценное представлялось имеющим тройной характер: 1) личный, 2) национальный, 3) универсальный; прогресс создается отдельными индивидуумами или отдельными нациями, а конечная цель творческой работы индивидуума или индивидуальной нации — единая и общая: это благо всего человечества, универсальное счастье» (Замотин, 17). Замотин увлекся стройностью этой сжатой формулы и положил ее в основу своего исследования, видя в ней исчерпывающее определение сущности романтизма.

В европейском романтизме он и различает три основных мотива: индивидуализм, национализм и универсализм. Последний мотив «имеет в виду все человечество и весь окружающий его мир». «Но хотя романтики в своих мечтах о грядущем торжестве идеала обнимали с своей точки зрения все мироздание, однако на широком горизонте универсума привлекала их внимание по преимуществу человеческая жизнь в ее многообразных проявлениях; поэтому выводы романтического универсализма касались не столько всей природы универсума, сколько будущей идеальной жизни всего человечества. Таким образом, под романтическим универсализмом нужно понимать утопические думы романтиков о всем человечестве, вне определенных стран и наций, и о тех новых условиях жизни, которые должны обеспечить торжество идеала в человеческом обществе» (49).

Индивидуализм, национализм и универсализм, действительно, имеют место и в романтизме. Но возникает вопрос, исчерпывается ли этими «мотивами» сущность романтизма. Позволительно думать, что нет. Ими, как выразился Соловьев, определяется лишь отношение романтиков ко «всему исторически-ценному». Во-первых, все эти три мотива порознь встречаются и в другие исторические моменты, в других общественных, идейных и литературных течениях, и исследователю, стало быть, необходимо выяснить ту особенность, какую представляет романтическое мировоззрение по отношению к этим проблемам, а это заставляет нас восходить к чему-то иному, высшему, первичному в психологии романтиков.

Во-вторых, одновременно ли в настроениях и воззрениях романтиков присутствуют все три мотива и у всех ли, как их родовая черта? На

этот вопрос приходится отвечать отрицательно и различать периоды и индивидуальности. Остановимся, в частности, на универсализме. Исследователи немецкого романтизма (напр., Marie Joachimi в книге «Die Weltanschauung der deutschen Romantik»),¹⁵ действительно, говорят об универсалистических тенденциях ранней романтики. Ее философия и поэзия пропитаны духом «универсализма». Но, во-первых, употребление этого термина в таком широком смысле ведет к некоторой сбивчивости, так как то же слово в современной науке обозначает известную этическую систему в противоположность индивидуализму (*В. Вундт*. Введение в философию. Стр. 333 и сл.). Во-вторых, по отношению к русской литературе сам Замотин весьма сильно ограничивает «универсализм», говоря (75), что он «выразился у нас не столько в мечтах о будущем счастье всего человечества, сколько в стремлении внести как в личную, так и в общественную жизнь идеалы западноевропейского романтизма». Сказано весьма глухо и непонятно. Читатель невольно спрашивает: «а западноевропейский идеал универсализма также стремились внести в нашу жизнь? если да, то, значит, оговорка „не столько — сколько“ теряет свой смысл?».

Проявления романтического универсализма до Одоевского прослежены у Замотина (148—161) также весьма неудачно: речь идет лишь о «внесении в обыденную жизнь известного quantum поэзии» (149), причем без разбора берутся неромантики и действительные романтики.

Шаткость обоснования того, что Замотин именуется романтическим универсализмом, повела к неопределенности и ошибочности всей характеристики Одоевского как типичного представителя именно романтического универсализма.

В юношеских мечтах и думах Одоевского Замотин находит «все основные положения романтического идеализма: и внимание к человеческой индивидуальности, и культ национального духа, и настойчивую мысль о подчинении всей окружающей нас действительности идеалу истины, добра и красоты. Но господствующее место в его настроении занимает все-таки последнее положение романтики, особенно ярко выраженное в шеллингизме, т. е. то положение, которое выше было названо романтическим универсализмом: и деятельность отдельного лица, и историческая роль нации представляется Одоевскому лишь средствами к достижению универсального блага для всего человечества, и мысль об общечеловеческом прогрессе всегда сквозит уже в самых ранних его произведениях» (380—381; ср. 382). Универсализм,

¹⁵ Marie Joachimi-Dege (1875—1950) — историк литературы. Указанная Сакулиным работа Joachimi-Dege вышла в 1905 г. под названием «Die Weltanschauung der Romantik».

уверяет Замотин далее (404—405), «полнее и определеннее выразился в творчестве Одоевского, чем другие мотивы романтизма. В ранних своих произведениях он отдал дань романтическому культу высшей природы, проявляющейся в деле науки или искусства; в эпилоге к „Русским ночам“ он провозгласил культ высшей национальности, выступивши с славянофильским мнением о мессианизме России, — но оба эти культа не были основным и постоянным мотивом его творчества: таким мотивом был именно универсализм, которому он всегда был верен».

Чтобы свести мировоззрение Одоевского на протяжении всей его сознательной жизни к одному «универсализму», хотя бы и в расплывчатом его понимании, Замотин должен был игнорировать факт эволюции Одоевского, отбросить одно и с натяжкой истолковать другое, особенно то, что относится уже к третьему периоду, существования которого Замотин не предполагает (382, 389—390, 391, 394, 410, 413, 414).

Поэтому я сознательно не воспользовался термином Замотина «романтический универсализм». Мы полагаем, что если только оставить за «универсализмом» то значение, какое он имеет в науке, т. е. значение определенного этического учения, — то этот термин недостаточен: как видовое понятие, он входит в термин более общего содержания, в идеализм.

Одоевский не был самостоятельным философом, но он был мыслителем и стремился к полноте философского миропонимания. Его мысль работала над всеми тремя проблемами, которые составляют основное содержание философии: над проблемой познания, над метафизической проблемой и этикой. «Но центральное положение среди этих трех проблем, — говорит Вил. Вундт (Введение в философию, 203), — занимает проблема метафизическая. Все общие вопросы, лежащие вне проблемы познания, в конце концов приводят к метафизическому мирозерцанию, и только от него они получают свое своеобразное освещение. В этом смысле, этическая точка зрения в общем обуславливается уже метафизической».

Одоевский много останавливается на проблеме познания, и я, излагая его взгляды, старался на первое место выдвигать именно эту первичную проблему философии, которая, по выражению Вундта, «обуславливает ответ на все другие вопросы» (203). Одоевский пока ищет опоры в гносеологии Шеллинга и в учении об инстинктуальной силе человека. Но не здесь нужно искать главного признака, определяющего Одоевского как мыслителя. У него была своя метафизика, если не вполне оригинальная, то, во всяком случае, настолько прочно усвоенная, что она, действительно, обуславливала собой и его этику, и его эстетику. Мыслитель определяет в Одоевском и писателя. Когда пой-

мешь его метафизику, образ Одоевского встанет перед вами цельным и ясным.

В 20—30-х годах, изучению которых посвящен первый том нашей книги, метафизика Одоевского была типично идеалистической. К ней буквально прилагается все то, что Вундт говорит об идеализме вообще. Это — такое мирозерцание, «которое считает главным или единственно ценным духовное содержание жизни и соответственно этому принимает, что сущность вещей заключается в духовном бытии. Поэтому идеализм руководится при установлении своих принципов преимущественно практическими мотивами. С этим связано то, что у него с самого начала играет руководящую роль понятие ценности» (276). Идеализм старается «группировать отдельные явления мира согласно суждениям о ценности, основанным на этических потребностях» (ib.). В идеализме преобладает «этический интерес»; для него «исходной точкой постановки всех задач является человек, его жизнь, его происхождение, его жребий и его чаяния» (ib.). Идеалистическая метафизика Одоевского отмечена всеми этими признаками. Антропоцентризм мы отметили как характерную черту его философского миропонимания, и этика с присущим ей универсализмом всецело вытекает из идеалистических основ его метафизики.¹⁶

Для эпохи 20—30-х годов идеализм Одоевского был типичным явлением: он связан с целыми течениями нашей умственной жизни в эпоху романтизма. В частности, разновидность идеализма философско-мистический идеализм, как мы старались показать в особой главе, был широко распространенным течением. Как бы в подтверждение правильности того вывода, который Вундт сделал из исторического обзора разных метафизических систем, Одоевский, как и преобладающая масса русской интеллигенции (с Белинским и Герценом во главе), уже во второй половине 40-х годов обнаруживает уклон в сторону реализма. Мы обозначили эту стадию термином «научный реализм», желая эпитетом «научный» (может быть, и излишним) подчеркнуть связь этого реализма с положительной наукой. II том нашей работы покажет, как замкнулось кольцо философской эволюции Одоевского. Теперь он стоит перед нами как идеалист.

Не только его этика и социология всецело обуславливаются таким именно направлением его метафизики, но и эстетика, и литературные

¹⁶ Далее текст зачеркнут: «Естественно, что врагами Одоевского являются прежде всего сторонники материализма: мотив борьбы с материализмом проходит через всю деятельность Одоевского в 20—30-х годах и находит свое завершение в „Р<усских> ночах“. Далее, в рядах его противников стояли доморощенные реалисты, исповедующие так называемый „наивный эмпиризм“ и философию „здорового смысла“».

взгляды получают основную окраску из того же источника. Одоевский отвергает холодную рассудочность французского классицизма, наивный эмпиризм наших нравописателей болгаринского типа и натурализм нового французского романа. Его философскому идеализму более сродни идеализм немецкой романтики, а особенно высокая художественность Гете и Пушкина. В нашей литературе совершалось создание художественного реализма, и Одоевский сознал его высокую цену и сам творил в том же направлении. Тяга в сторону художественного реализма отвечала общей тенденции в сторону реализма как философской системы. Как реалистическая метафизика стремилась синтезировать материальные и духовные начала жизни, так и художественный реализм слил воедино начала натурализма и идеализма в одном художественном синтезе.

Таков общий смысл, который мы видим в развитии нашей философской мысли и литературы во вторую четверть XIX века и, в частности, у Одоевского. Такова, следовательно, и общая концепция нашей книги. При этом понимании исследуемого вопроса весь комплекс идей Одоевского (его метафизика, этика, эстетика) и все стороны его деятельности приобретают несомненное единство.¹⁷

Сущностью нашей задачи определяется и метод работы. В данную минуту было бы неуместно пускаться в пространные рассуждения о методах истории литературы, но два-три слова будут нелишними. В наши дни не без основания слышатся настойчивые требования пересмотреть методы истории литературы. Если умолчать о радикальном мнении одного современного критика, что история литературы, как таковая, должна прекратить свое существование,¹⁸ — сущность нашего методологического спора в настоящее время сводится к требованию точнее определить предмет истории литературы и ее границы. Нужно, говорят, глубже провести ту борозду, которая должна отделять историю литературы от истории общественности, от истории культуры; следует исключительным предметом изучения сделать художественное творчество и даже, может быть, одну художественную

¹⁷ Далее текст зачеркнут: «Разумеется, преобладание реализма, как и всякой идеологии, имеет свои корни в глубине народной и общественной жизни, подготовлялось теми нашей умственной и общественной жизни на протяжении с 20 до 60-х годов. [Так в тексте.] В Одоевском мы увидели типичного представителя нашей дворянской интеллигенции, воспитанного эпохой романтизма, но прожившего несколько последовательных смен в идейных настроениях общества. Свойства его личности и характер деятельности требовали, чтобы мы захватили в рамки своего исследования всю жизнь интеллигентских кружков, с которыми в том или другом отношении был связан Одоевский».

¹⁸ Под «радикальным критиком», отрицающим существование истории литературы как науки, имеется в виду Ю. И. Айхенвальд.

форму.¹⁹ Этому стремлению отмежеваться от соседних дисциплин придают такое принципиальное значение, что не останавливаются перед вивисекцией живой личности писателя. Несмотря на то что в Толстом, например, художественная и философская стихия составляют единую субстанцию его личности, историку литературы или критику вменили бы в тяжкий грех, если бы он заговорил о философском мировоззрении автора «Войны и мира».

Строго говоря, подобные вопросы возникают не в первый раз. Их составили раньше по поводу объема и содержания литературы древнего периода. Теперь наступила очередь для нового.

Конечно, основным предметом истории литературы является художественное слово. Но, чтобы не впасть в бесполезное доктринерство, следует брать вещи в их живой сущности и не связывать себя априорным теоретизированием. Мы хотели бы сказать, что нужно индивидуализировать метод соответственно природе изучаемого явления или писателя. Строго говоря, каждого писателя и каждое явление нужно изучать по своему методу. Это во-первых. Во-вторых, нельзя насильственно расчленять то, что в природе вещей слито. Мы не достигнем своей цели, если произвольно возьмем в писателе или явлении одну сторону, а другую отбросим, как неподвластную нашей компетенции, как находящуюся не в нашем участке. Живая личность не выносит такой хирургической операции, и явление не получит полного освещения. Каждый художественный образ и литература в целом так насыщены идеями философскими и общественными, так неразрывно сплетены

¹⁹ Сакулин имеет здесь в виду мнение М. О. Гершензона, высказанное им в послесловии к «Методу в истории литературы» Г. Лансона (М.: т-во «Мир», 1911). Гершензон подверг резкой критике культурно-исторический метод школы А. Н. Пыпина: «История литературы является у нас отраслью публицистики» (Там же. С. 50). Между тем «литература, в отличие от всех других видов словесного творчества, есть царство художественной формы» (Там же. С. 63). В России еще нет истории литературы, поскольку она еще не выделилась в самостоятельную отрасль знания, а отождествляется с историей общественной мысли. Из смешения этих двух областей проистекает двойное зло. Во-первых, история общественной мысли «незаконно узурпирует чужую область, выдавая себя за историю литературы и не давая места настоящей истории литературы» (Там же. С. 54). Во-вторых, эта «противонаучная смесь» обрекает и ту и другую на бесплодие. Каждая из этих дисциплин должна обособиться друг от друга, определить свои границы. Общий дух научности, как полагает Гершензон, толкает к дифференциации: «Всякая отрасль знания, чтобы быть принятой в круг наук, должна прежде всего точно объявить предмет и границы своего ведения. Это самоопределение есть первое условие и вместе первый признак ее самостоятельного бытия» (Там же. С. 51—52). Критика Гершензоном недостатков культурно-исторической школы была во многом справедливой, но в то же время эти положения открывали дорогу формалистическому направлению в литературоведении. В своей «Речи» Сакулин полемизирует с этими установками Гершензона.

с общим процессом жизни, что изучать их изолированно не представляется никакой возможности.

Если бы, в самом деле, нам удалось провести точную грань между историей литературы и историей общественности, то дело от этого выиграло бы очень мало. Мы все сознаем, что названные области не одно и то же; полного их сближения мы не допускаем. Бояться же их соприкосновения, бояться перешагнуть за роковую черту не имеет за себя серьезных оснований. Справедливо, конечно, что «общий дух науки... толкает к дифференциации». Но не менее справедливо и то, что каждая наука страдает от тех перегородок, часто искусственных, которые мы воздвигли между отдельными специалистами. Кто не наблюдал, как расширяется и углубляется предмет изучения, когда исследователь сумеет выйти из тесного круга своей специальности, а привлечет к делу данные родственных наук. Не широты исследования нужно бояться, а узости и односторонности. Нельзя не жалеть, что, под страхом оказаться дилетантами, мы принуждены становиться специалистами, что редко кто из нас в состоянии охватить мир в одном целостном знании. Не будем же свое бессилие, свой недостаток возводить в принцип. Будем стремиться не к разобщению отдельных дисциплин, а к их сближению и слиянию. В частности, не станем насильственно отрывать историю литературы от истории культуры.

В своей работе о кн. Одоевском мы, по крайней мере, сознательно расширили рамки исследования. Может быть, с некоторым риском подвергнуться строгому осуждению со стороны соответствующих специалистов, но мы не могли не войти в область истории общественности и истории философии. Без этого, по нашему убеждению, творческая индивидуальность Одоевского и его значение остались бы неосвещенными: нам казалось безусловно необходимым, во-первых, говорить о нем не только как о писателе, но и как о мыслителе и, во-вторых, рассматривать его в том естественном соотношении с людьми и явлениями, в каком он действительно находился к ним. Поступить иначе значило бы не выполнить и ближайшей задачи — изучения литературной деятельности Одоевского. Одной из самых привлекательных черт в личности Одоевского является многосторонность его духа, стремление синтезировать все знания, добытые человечеством, и неустанное искание ответа на вековечный вопрос о смысле жизни. Русский Фауст, он лелеял мечту о новой науке, новом искусстве и новой жизни.

Вот почему мы не ограничились беллетристикой Одоевского во главе с его органическим созданием — «Русскими ночами», а последовали за ним и в другие сферы, где витала его творческая мысль.

Насколько нам удалось выполнить поставленную себе задачу, я готов выслушать теперь компетентное мнение моих уважаемых оппонентов.

ПЕРЕПИСКА П. Н. САКУЛИНА И И. А. БЫЧКОВА

В процессе работы над монографией о В. Ф. Одоевском Павел Никитич Сакулин использовал материалы нескольких архивов, где имелось собрание рукописей этого русского писателя: Исторического и Румянцевского музеев в Москве и Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге. Точно установить начало работы Сакулина над монографией пока не удалось. Из сохранившейся переписки ученого следует, что в начале 1910 г. эта работа уже велась. В мае 1912 г. Сакулин предполагал приступить к печатанию первого тома. В продажу монография поступила в мае 1913 г. Если придерживаться этих хронологических рамок, то следует признать, что столь фундаментальная работа была написана в поразительно короткий срок — примерно за три года. Это стало возможным не только благодаря таланту и работоспособности автора, но во многом благодаря помощи высококлассных специалистов.

Публикуемые ниже письма — очень небольшой фрагмент из обширной переписки Сакулина этого периода его деятельности. Эпистолярный материал свидетельствует, что за работой Сакулина над монографией об Одоевском с заинтересованным вниманием следило множество людей. Его книга действительно ожидалась научной общественностью. Сакулину оказывали научную и библиографическую помощь и давали указания многие, кто так или иначе был связан с литературно-исследовательской деятельностью.

Так, например, из писем заведующего Отделением рукописей Публичной библиотеки И. А. Бычкова мы узнаем, что и по завершении работы Сакулина над первым томом он продолжал информировать его о новых находках рукописей Одоевского. А. Ф. Кони в благодарственном письме Сакулину за присылку монографии от 11 июля 1913 г. также указывает на рукописный документ В. Ф. Одоевского (черновик письма императору Александру II), переданный Кони в дар Румянцевскому музею (РО ИРЛИ, ф. 272, оп. 2, № 80). В архиве П. Н. Сакулина в Пушкинском Доме имеется также письмо от Р. В. Иванова-Разумника от 29 марта 1910 г. (ф. 272, оп. 2, № 69), в котором тот просит помочь в решении вопроса относительно атрибуции статей под псевдонимом «Плакун Горюнов» (этот псевдоним, как выяснил Сакулин, действительно принадлежал В. Одоевскому).

Не стояли в стороне от научных интересов Сакулина его родные и близкие. В архиве ИРЛИ сохранилась коротенькая записка карандашом на четвертушке бумаги от дочери Нины от 6 (19) ноября 1918 г. Поздравляя отца с днем рождения и посылая ему в подарок столь необходимую для научных трудов бумагу, Нина писала: «Дорогой папуся. Поздравляю тебя и желаю, чтобы через годик, два ты совсем бы уж

не читал лекций, а только писал. Также желаю, чтобы на этой бумаге был написан конец Одоевского, книга о Тургеневе и многое другое» (ф. 272, оп. 2, № 139).

Представление о круге лиц, так или иначе вовлеченных и причастных к работе Сакулина над монографией, в определенной степени дает «Список лиц» для раздачи книги о князе В. Ф. Одоевском (ф. 272, оп. 3, № 65). Этот список включает 162 адресата, не только лиц, но и организации: Румянцевский музей, библиотеку университета, Исторический музей, Высшие женские курсы. Двадцать пять экземпляров Сакулин предполагал передать на историко-филологический факультет Московского университета.

Первыми в «Списке» указаны жена Сакулина — Клавдия Сергеевна («Клавочка») и тесть — Сергей Васильевич Ганешин («С. Вас.»). Среди адресатов также значатся руководство и сотрудники Императорской Публичной библиотеки: Д. Ф. Кобеко (директор И. П. Б.), И. А. Бычков, В. И. Саитов, А. И. Браудо, В. В. Майков, Д. И. Абрамович; литературоведы, писавшие о жизни и творчестве В. Ф. Одоевского: Н. Ф. Сумцов, Б. А. Лезин, И. А. Кубасов, И. И. Замотин, Н. А. Котляревский, В. Е. Чешихин, А. Ф. Кони. В списке указаны также крупные ученые-филологи, библиографы и критики: Алексей Н. Веселовский, А. А. Шахматов, С. А. Венгеров, М. О. Гершензон, Р. В. Иванов-Разумник и многие другие.

Присутствие в «Списке» фамилий сотрудников Публичной библиотеки не случайно. Наибольший массив рукописных материалов В. Ф. Одоевского хранился в Императорской Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге. Он включал в себя три блока архивных документов. Во-первых, это «бумаги 1869 г.», переданные после смерти В. Ф. Одоевского в феврале 1969 г. вдовой писателя, княгиней Ольгой Степановной Одоевской (урожденной Ланской) в Публичную библиотеку. В 1911 г., когда Сакулин начал работу в Отделении рукописей Публичной библиотеки, описи этих бумаг еще не существовало, и Сакулин намеревался дать их описание в приложении ко второму тому своей монографии. Во-вторых, это 110 переплетов, описание которых было сделано заведующим Отделением рукописей Иваном Афанасьевичем Бычковым и издано в «Отчете Императорской Публичной библиотеки» за 1884 г. И, в-третьих, это рукописные материалы, касающиеся Одоевского, в архивах А. А. Краевского, С. П. Шевырева, И. В. Киреевского, В. А. Жуковского. Кроме «Описи бумаг В. Ф. Одоевского» И. А. Бычковым была издана «Опись бумаг А. А. Краевского» (1893) и «Опись бумаг В. А. Жуковского» (1887). Таким образом, Бычков как заведующий Отделением хорошо ориентировался в рукописных материалах, имеющих прямое или косвенное отношение к

творчеству В. Ф. Одоевского. Судя по всему, именно к нему и обратился П. Н. Сакулин в процессе работы над неизданными бумагами В. Ф. Одоевского.

Публикуемые ниже письма Павла Никитича Сакулина заведующему Отделением рукописей Императорской Публичной библиотеки И. А. Бычкову отражают драматический эпизод в работе Сакулина над диссертацией и монографией о В. Ф. Одоевском, который позволяет дополнить психологический портрет ученого, может быть и мелкими, но важными деталями. Недоразумение с рукописью, возникшее по причине невнимательной нумерации листов работниками библиотеки и путаницей в нумерации со стороны самого В. Ф. Одоевского, стало причиной письма Сакулина к заведующему Отделением рукописей. Как следует из письма, для Сакулина была невыносима даже тень подозрения, которая легла на него в результате этого «недоразумения». Поэтому он и решился написать И. А. Бычкову, находившемуся тогда в отпуске. Ответных писем И. А. Быčkoва на эти два послания Сакулина в архиве ИРЛИ не сохранилось. Впрочем, нельзя исключить (хотя это маловероятно, учитывая, что почтовая корреспонденция между обеими столицами в то время доставлялась на следующий день), что письмо Быčkoва от 23 февр. 1912 г. является ответом на письмо Сакулина от 24 янв. 1912 г. В архиве имеется только черновой вариант этого письма Сакулина с множеством помарок, и в нем нет упоминания о намерении приступить к публикации монографии. Но если окончательный текст письма был написан и отправлен позже, то не исключено, что Сакулин мог сообщить адресату об этом намерении.

Два письма П. Н. Сакулина к И. А. Бычкову публикуются по черновым автографам, которые хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 272, оп. 2, № 2); два письма И. А. Быčkoва — по беловым автографам, хранящимся в том же фонде (ф. 272, оп. 2, № 37).

ПИСЬМА П. Н. САКУЛИНА И. А. БЫЧКОВУ

1

Петербург. 27/ VI. 1911

Глубокоуважаемый Иван Афанасьевич!

Приехал я в Петербург только 16-го числа и, к сожалению, Вас уже не застал. Благодаря Вашему любезному вниманию, я без задержки получаю бумаги кн. Одоевского. Теперь работа моя над бумагами подходит к концу. Все шло гладко, но как раз сегодня произошел довольно неприятный эпизод. Я не хотел было писать Вам, чтобы не нарушать

Вашего летнего отдыха, но А. А. Круазе ван дер Коп² посоветовала мне довести о происшедшем до Вашего сведения. Дело в следующем.

В числе других бумаг (из пожертвованных в 1869 г.) я получил «6 листов» перевода из Лабрюйера (на листе, в который вложена рукопись, чьей-то рукой написано: «Статья с критикой на общество» — кажется, так). Сверху листов идет пагинация Одоевского в таком порядке: 2, 3, 4, 6, 7. Я отмечаю это у себя: и то, что начинается со 2-го листа, и то, что не хватает пятого листа, но странным образом мне не пришло в голову смекнуть, соответствует ли общее количество листов цифре 6 или нет. Поэтому эту рукопись вместе с некоторыми другими я совершенно спокойно сдаю. При проверке Хр<исанф> Меф<одьевич> Лопарев³ обнаруживает отсутствие 5-го листа, и возникает «недоразумение». Оказывается, что внизу листов карандашом отмечен уже у Вас в библиотеке счет листов в таком порядке: 1, 2, 3, 5, 6. При этом, как заметили гг. Лопарев и Абрамович,⁴ вместо «5» ранее стояла цифра «4», потом стертая.* Т<аким> обр<азом>, одного листа (5-го, по пагинации Одоевского, 4-го по библиотечной пагинации) недостает. Как это могло произойти?

Вы понимаете мое состояние в момент объяснения с г. Лопаревым, состояние человека подозреваемого. Разумеется, я мог только представить свои заметки, где обозначено отсутствие 5-го листа, и заявить, что именно в таком виде мною была получена рукопись, хотя, конечно, в книгу я записал 6 листов, как это значилось на листе, в который вложена рукопись. [Очевидно, мне следовало бы обратить внимание гг. заведующих на это обстоятельство тотчас же, как я обнаружил отсутствие листа, но мне это как-то не пришло в голову. Тем более, что в тех же бумагах были другие неисправности; напр., письма расположены не в том порядке, как перечислялось на листе, в который вложены, да и количество их, по словам служителя Викентия, оказалось больше, чем обозначено на том же листе.]⁵

Вот в чем состоит мой печальный эпизод. Д. И. Абрамович передал мне, что, вникнув в подробности дела, они пришли к заключению, что это — ошибка той барышни, которая проставляла пагинацию. По-видимому, рассеялись также сомнения и Хр<исанфа> Меф<одьевича> Лопарева. Но, признаюсь, «недоразумение» произвело на меня такое тяжелое впечатление, что я уже не мог сегодня как следует работать. Мне еще в первый раз приходится переживать состояние человека, честность которого заподозрена...

* На эту библиотечную пагинацию в бумагах 1869 г. я вообще внимания не обращал (т. к. она не проходит последовательно через всю рукопись). *Примеч. Н. П. Сакулина.*

Буду надеяться, что, вернувшись в Петербург, Вы окончательно выясните вопрос и не откажетесь сообщить мне Ваше мнение.

В Петербурге я пробуду только до 30-го июня. Летний мой адрес — такой: Московско-Киево-Воронежская ж. д., ст. Нара,⁶ фабрика Т. В. М., имение Л. В. Желудковой, П. Н. Сакулину. А с середины августа — постоянный, московский: Москва, Трубниковский пер., д. 3, кв. 3.

Еще раз простите за причиненное Вам беспокойство.

Глубоко признательный Вам

П. Сакулин.

¹ *Бычков Иван Афанасьевич* (1858—1944) — археограф, член-корреспондент Академии наук. Родился в семье заведующего Рукописным отделением, впоследствии директора Публичной библиотеки А. Ф. Бычкова. После окончания юридического факультета Петербургского университета (1880) был назначен на должность заведующего Отделением рукописей Публичной библиотеки (1881), которую он занимал вплоть до своей смерти в 1944 г.

² *Крузе ван-дер-Коп Анна Арнольдовна* (1859—1914) — голландская ученая-славистка, доктор филологии (с 1907 г.); специализировалась в области изучения русско-польской переводной литературы и русско-польских культурных связей XV—XVII вв., а также русско-голландских отношений эпохи Петра I. Родилась 15 ноября 1859 г. в Гааге; скончалась 5 (н. ст. 18) апреля 1914 г. во Франкфурте-на-Майне. Увлечшись (с 1892 г.) славистикой, в 1902—1904 гг. работала под руководством профессора славяноведения А. Брюкнера в Берлине. В период с 1904 по 1914 г. подолгу жила в России, где обрела, по сути, вторую родину. Занималась исследовательской работой в Отделении рукописей Публичной библиотеки (где, по-видимому, и состоялось ее знакомство с П. Н. Сакулиным), а также в провинциальных архивах. Пользовалась известностью в кругах ученых-славистов, имела многочисленных друзей в России. Гостила у академиков Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, Семеновых Тянь-Шанских и др. Владела основными европейскими языками, а также русским и польским. Сохранилось ее благодарственное письмо к П. Н. Сакулину за присылку монографии о В. Ф. Одоевском (РО ИРЛИ, ф. 272, оп. 2, № 87). В конце 1913—начале 1914 г. совершила научную поездку по поручению Русского Отделения Академии наук с целью разыскания славянских рукописей в Голландии и Германии. Ее неожиданная смерть во Франкфурте-на-Майне от тяжелой формы гриппа, осложненного воспалением легких, была воспринята в кругах русских ученых-славистов как большая личная и научная потеря. Имеется некролог «Анна Арнольдовна Крузе ван-дер-Коп» (СПб., 1914; отд. оттиск из «Славянских известий»), написанный К. Я. Гротом — с горячей симпатией и искренней скорбью. На русском языке имеются работы А. А. Крузе ван-дер-Коп: «К вопросу о голландских терминах по морскому делу в русском языке» (СПб., 1911); «Древние сношения Великого Новгорода с нижненемскими городами» (СПб., 1913).

³ *Лопарев Хрисанф Мефодьевич* (1862—1918) — палеограф, исследователь древнерусской и византийской литературы, библиограф. Закончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1887; по другим источникам — в 1886). В Публичной библиотеке работал с 1896 по 1916 г. На момент обращения Сакулина (1911) Лопарев занимал должность старшего помощника библиотекаря Отделения рукописей.

⁴ *Абрамович Дмитрий Иванович* (1873—1955) — литературовед, историк русской литературы и языка, член-корреспондент АН. Закончил духовную академию (1897). В 1910—

1927 г. работал в Публичной библиотеке. С мая 1910 г. магистр богословия Д. И. Абрамович занимал должность помощника заведующего читальным залом, а с 1 июля 1911 г. был назначен на должность старшего помощника библиотекаря Рукописного отделения.

⁵ Текст в квадратных скобках в рукописи зачеркнут.

⁶ Станция Нара Московско-Киево-Воронежской железной дороги (г. Наро-Фоминск), где проводил летний отпуск Сакулин, расположена между Москвой и Малоярославцем, примерно в 70 км на юго-восток от Москвы. Согласно «Списку станций Российских железных дорог» за 1910 г., это была 17-я по счету остановка от Москвы, за станцией Зосимова пустынь (бывш. платформа 60 верст).

2

24/І.1912

Глубокоуважаемый Иван Афанасьевич!

Вернувшись в Москву¹ и снова принявшись за свои материалы по кн. Одоевскому, я чувствую настоятельную потребность еще раз выразить Вам мою безграничную признательность. В полной мере сознаю, насколько обязан я Вам в своих занятиях. Без Вашего авторитетного содействия мне не избежать бы некоторых ошибок или, по крайней мере, временных заблуждений. А сколько дорогого времени сэкономили Вы мне своим личным вниманием и распорядительностью!

Сердечное Вам спасибо, глубокоуважаемый Иван Афанасьевич. Мне приятно будет в своей книге (если ей суждено, наконец, появиться) среди лиц, содействовавших моей работе, на первом месте поставить Ваше уважаемой имя.²

С искр<енним> почт<ением>

¹ Судя по «Записной книге» П. Н. Сакулина за 1911 г., он вернулся в Москву из отпуска в конце августа 1911, а с сентября начал вести занятия на Педагогических курсах воспитательниц и учительниц и Высших женских курсах. В январе 1912 г. он принимал экзамены на Высших женских курсах. Поэтому, хотя письмо датировано концом января 1912 г., под «возвращением в Москву» следует понимать его возвращение из летнего отпуска в августе 1911 г.

² Сакулин исполнил свое обещание. В предисловии к своей монографии о В. Ф. Одоевском он писал: «Величайшую признательность чувствуем мы к И. А. Бычкову: его неизменно-любезное внимание и авторитетные указания существенно облегчали нам изучение бумаг Одоевского» (*Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. — Писатель. М., 1913. Т. 1, ч. 1. С. V—VI*). Кроме И. А. Быčkova Сакулин выразил благодарность и другим сотрудникам Императорской Публичной библиотеки: *Владимиру Владимировичу Майкову* (1863—1942), занимавшему (с апреля 1911 г.) должность библиотекаря Рукописного отделения; заведующему отделением «Россика» *Александру Исаевичу Браудо* (1864—1924); заведующему Отделением полиграфии *Карлу Робертовичу Беренту* (1862—после 1930) и заведующему Русским отделением *Владимиру Ивановичу Саитову* (1849—1938).

ПИСЬМА И. А. БЫЧКОВА П. Н. САКУЛИНУ

1

23 февраля 1912
Кабинетская, 4, кв. 11

Многоуважаемый
Павел Никитич.

Весьма порадовался я, узнав из письма Вашего, что в мае Вы уже приступите к печатанию Вашей книги о кн. В. Ф. Одоевском и что не долго придется нам ждать ее появления в свет.¹ Вы первый решились познакомиться вполне с бумагами князя В<ладимира> Ф<едоровича>, хранящимися в рукописном отделении Библиотеки, и мне очень приятно, что Вы нашли в них богатый материал для своего труда. Рад и тому, если хотя малым чем мог быть Вам полезен при Ваших занятиях в отделении и если они оставили в Вас приятные воспоминания. Сердечное спасибо за добрую обо мне память.

Пользуюсь случаем, чтобы сделать маленькое добавление к прежним указаниям. В «Отчете» Библиотеки за 1902 г. описан приобретенный ею альбом, принадлежавший местному композитору барону Б. А. Фитингоф-Шель;² в этом альбоме имеются два музыкальных автографа князя В. Ф. Одоевского, каждый по листу; второй из них имеет такой заголовок: «Majeur et mineur combines (Experience musico-chymique, dediee a un musician veritable)» и дату: 11 Dec. 1858 (см. «Отчет», с. 205).³ Может быть, и это Вам на что-нибудь пригодится.

От души желаю Вам доброго здоровья и успешного окончания Вашего труда о князе Владимире Федоровиче.

Искренне Вас уважающий И. Бычков.

¹ Монография П. Н. Сакулина «Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. — Писатель» вышла в свет в мае 1913 г. в издательстве М. и С. Сабашниковых.

² Описание альбома автографов, принадлежавшего композитору барону Б. А. Фитингоф-Шель, помещено в «Отчете Императорской Публичной Библиотеки за 1902 г.» (СПб., 1910) на с. 204—206. Альбом содержит 127 автографов, преимущественно русских и иностранных композиторов, пианистов и пианисток, певцов и певиц, а также некоторых русских писателей и художников. *Фитингоф-Шель Борис Александрович* (1829—1901) — композитор-дилетант. Проживал в Санкт-Петербурге. Известен как автор ряда опер и балетов, шедших на сцене петербургских театров (оперы «Мазепа», 1859; «Демон», 1871; «Жуан-де-Тенорио», 1888; балеты «Гарлемский тюльпан», 1887; «Золушка», 1893). Особого успеха музыкальные произведения барона Б. Фитингофа не имели. Фитингоф-Шель известен также как автор воспоминаний «Мировые знаменито-

сти» (отд. изд. 1899 г.) — о встречах с М. И. Глинкой, А. С. Даргомыжским, Г. Берлиозом и другими, в том числе и с В. Ф. Одоевским.

³ «Музыкально-химические» эксперименты В. Ф. Одоевского характеризовались соединением музыкально-несоединимого — мажора и минора, что, по мнению современных исследователей его музыкального творчества, являлось приложением учения Шеллинга о диалектических противоположностях («полярностях») к музыкальной композиции. Бинарность, антитетичность была отличительным свойством музыкальных произведений В. Ф. Одоевского (см. об этом: *Семенов Ю. И.* В Зеркальном мире Одоевского (Рассуждения о необычном строении музыкальных тем в органных сочинениях князя 1846—1852 годов) // «Передаю новому поколению...»: К 200-летию В. Ф. Одоевского: Сб. статей. СПб., 2005. С. 68—84).

2

24 января 1914.

Кабинетская, 4, кв. 11.

Многоуважаемый
Павел Никитич.

Давно следовало мне поблагодарить Вас за избрание меня в почетные члены Общества Любителей Российской Словесности, в особенности потому, что этим я несомненно обязан Вашему благожелательному отношению ко мне и моим скромным трудам.¹ Сначала нездоровье, а потом присяжное заседательство в суде не позволили мне немедленно по окончании библиотечных торжеств написать Вам и принести глубокую благодарность за честь, которую пожелало мне оказать Общество.² Делаю это теперь. Буду рад, если чем-либо смогу быть полезным Обществу. Одновременно с настоящим письмом посылаю для библиотеки Общества те из моих трудов, экземпляры которых имеются еще у меня налицо.

Примите хотя и поздние, но искренние поздравления по случаю присуждения Вам степени доктора за Ваш почтенный труд о князе В. Ф. Одоевском. Я уже писал Вам, что в 1912 г. Библиотеке удалось приобрести на одном аукционе тетрадь с ученическими сочинениями князя В<ладимира> Ф<едоровича>. Это именно та рукопись, которая принадлежала П. Я. Дашкову и содержание которой приведено в книге Замотина «Романтический идеализм», СПб., 1907, стр. 377, прим. 1-е.³ Не пригодится ли эта рукопись для 3-го тома Вашего труда?⁴

Посылаю Вам небольшое мое сообщение, вышедшее в свет в прошлом году.⁵

Искренне Вас уважающий и преданный

И. Бычков.

¹ Общество любителей российской словесности при Московском университете (1811—1930) — старейшее литературно-научное общество в России. Согласно «Словарю членов Общества Любителей Российской Словесности», П. Н. Сакулин состоял действительным членом этого Общества с 31 января 1903 г., а с 1911 г. исполнял обязанности временного председателя (что по современной номенклатуре соответствует должности заместителя). Видимо, после переезда в Петербург осенью 1914 г. и до возвращения в Москву после Февральской революции он не занимал руководящих постов в ОЛРС. В отчете о деятельности Общества, опубликованном в 1927 г., Сакулин указывает, что с 1919 по 1924 г. он являлся председателем Тургеневской комиссии Общества (преобразованной впоследствии в историко-литературную), с 1920 г. — товарищем председателя (т. е. заместителем), а с 1921 г. — председателем ОЛРС (см.: *Сакулин П. Н. Общество Любителей Российской Словесности // Печать и революция. 1927. № 7. С. 301—302, 305—306*). В имеющихся кратких биографических справках о И. А. Бычкове не указывается, в каком году он стал почетным членом ОЛРС. Данное письмо позволяет установить, что в почетные члены Общества он был избран в 1913 г. Можно предположить (вслед за Бычковым), что инициатором этого избрания выступил П. Н. Сакулин.

² Бычков имеет в виду юбилейные торжества по случаю столетия Императорской Публичной библиотеки в С.-Петербурге. Хотя основание Публичной библиотеки было положено указом Екатерины II в 1795 г., официальное ее открытие для читателей состоялось 2 января 1814 г. Юбилейные торжества проходили 2 и 3 января 1914 г.

³ Письмо, на которое ссылается И. А. Бычков, в архиве П. Н. Сакулина в ИРЛИ отсутствует. По-видимому, информация Быčkova о приобретении рукописей В. Ф. Одоевского из собрания П. Я. Дашкова пришла тогда, когда монография Сакулина уже находилась в печати. В «Предисловии» к ней Сакулин делает специальную оговорку относительно этого источника: «К сожалению, нам не удалось непосредственно познакомиться с теми ученическими тетрадами Одоевского, которые находятся в собрании П. Я. Дашкова <...>, и мы должны были довольствоваться тем, что нашли в книге проф. И. И. Замотина „Романтический идеализм в русском обществе и литературе 20—30 годов XIX столетия“ (СПб., 1908)» (*Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. — Писатель. М., 1913. Т. 1, ч. 1. С. IV*).

⁴ И. А. Бычков допускает неточность: речь идет о втором томе монографии о В. Ф. Одоевском. Первый том вышел в двух частях.

⁵ По-видимому, речь идет о небольшом сообщении И. А. Быčkova «Одно из последних стихотворений К. Н. Батюшкова», помещенном в «Сборнике статей в честь Дмитрия Фомича Кобеко» (СПб., 1913. С. 237—238). Сборник был издан в честь десятилетия пребывания Д. Ф. Кобеко на посту директора Публичной библиотеки.